

Ренат БЕККИН

ПРИКЛЮЧЕНИЯ МАЛЬЧИКА СТЕПКИ В ГОРОДЕ КОТЛОВЕ

Повесть

Станция Вековка

О Волге всякий понятие имеет. А вот реку Котловку не каждый на карте укажет. Даже если в школе по географии твердую пятерку имел. Хотя о городе Котлове многие слыхали. А он в честь этой самой Котловки и назван. Или нет, это река от города свое имя получила. Точно сказать не могу. И никто вам точно об этом не скажет. Да и важно ли это?.. Главное: город хороший, подходящий как для обитателей его, так и для туристов. Так в путеводителях пишут.

У мальчика Степки был как раз такой путеводитель. Он, то есть путеводитель, лежал под подушкой. Подушка же находилась на полке, а полка, как ей и положено, в поезде. Сам же поезд был не простой, а двухэтажный, серый, с красными узорами по бокам, изображавшими сплетение трех букв. Значение этих букв открывалось не сразу и не каждому.

Степка, погрузив руки в свои курчавые и черные, как машина из песни Гребенщикова, волосы, лежал на верхней полке почти под самым потолком. Внизу над шахматной доской призадумались мальчик с папой. Степка знал толк в шахматах, но в этот раз ему совсем не хотелось следить за игрой. Он перевернулся на правый бок, но сон не шел. Как говорила Степкина мама: «Хочешь хорошо спать, не забудь выключить перед сном голову!» А ты попробуй выключи, если в голову эту всякие мысли и рассуждения лезут и все вне очереди норовят проникнуть по причине своей неотложности.

— Станция какая-то... Наверное, недолго здесь простоим. Не буду слезать, — размышлял Степка.

Он закрыл глаза, но поезд стоял и стоял. Степка полежал минуту, две. Может, и все три. У него не было никакого желания слезать, искать под столом кроссовки, завязывать шнурки, которые, по уверению продавца, были самозавязывающимися. Но главное: ему страшно не хотелось смотреть на двух шахматистов внизу. От одного их вида у него начинал урчать живот, что для Степки было вернейшим признаком душевного смятения.

Но какой-то непонятный голос говорил ему вкрадчиво и в то же время сурово: «Слезай. Что ты здесь развалился?! Сходи проветрись!» и что-то еще в этом же роде. И Степка наконец послушался голоса. Он почти бесшумно сполз с полки, стараясь

Ренат Ирикович Беккин родился в 1979 году в Ленинграде. В 2007–2012 годах — главный редактор литературно-философского журнала «Четки». Автор романов «Ислам от монаха Багиры», «Хава-ля».

не глядеть в сторону шахматистов, обулся и вышел в коридор. Всяко лучше, чем кувыркаться под потолком в духоте, изобретая удобное положение для своего пока не очень большого тела, и испытывать прочие неудобства. Станция эта, если верить расписанию, висевшему рядом с купе проводника, называлась Вековка. «Древняя, значит, станция», — заключил Степка.

Несмотря на сумрачное время, на платформе копошилось множество людей. В руках у них просматривались то ли зажженные фонарики, то ли внушительных размеров светлячки. Так поначалу показалось Степке. Но когда он спустился на платформу, он увидел, что никакие это не светлячки, а различные стеклянные предметы. Некоторые из этих предметов производили звук, другие — свечение. А были и такие, что могли и звучать, и светиться одновременно.

— Купи ангелочков, — безо всякого предисловия подступила к Степке угрюмого вида женщина в малиновом берете на огромной лохматой голове и с бородавкой в форме детской пуговки на носу. В руках у нее была крышка от обувной коробки, на которой стояли несколько хрустальных фигурок, изображавших ангелов. Ангелы излучали радовавший глаз свет.

— Малиновый звон знаешь? — женщина взяла одного ангелочка и потрясла им в ночном воздухе. Раздался приятный звук, от которого Степке захотелось закрыть глаза и немедленно уснуть.

— А почему малиновый? — поинтересовался Степка.

— Птица такая есть: малиновка. Поет красиво, — отвечала женщина так, словно эта малиновка была ее соседкой или старой подругой. — Ангелков бери. Сразу двух. Один — двести, два — триста. Бери, они тебя охранять будут от болезней и прочих невзгод. И подарок хороший. А если всех возьмешь, я тебе большую скидку дам.

— Люстру бери, мальчик. Чистый хрусталь, — беззастенчиво вклинился в разговор об ангелах мужик с усами, державший в одной руке люстру с тремя патронами, а в другой — какую-то громадную плюшевую игрушку черного цвета, длиною своего туловища не уступавшую самому продавцу. — Я подешевле уступлю. За восемьсот. Нигде за такие деньги люстру из хрусталя не купишь. Давай, бери! — Он попытался всучить Степке люстру, но тот решительно отступил. Ему, впрочем, было радостно оттого, что его принимают как взрослого и даже всерьез торгуются с ним. Еще год назад ему бы сказали: иди позови маму, пусть купит тебе эту вещицу. Но прошлым летом он сильно вытянулся. Никто и не догадывался, что ему всего тринадцать лет. Все думали, что, как минимум, четырнадцать. Или даже пятнадцать.

— Спасибо, дяденька, мне люстра ни к чему.

— Как ни к чему?! — возмутился усач. — Люстра, она всем нужна.

— У нас дома уже есть люстра...

— Эх, — махнул рукой мужик и пошел к другому вагону. Но сделав несколько шагов, он вдруг остановился, словно кто-то дернул его сзади за ухо или шваркнул по плечу. Он поворотился назад и снова подкатил к Степке.

— Слышь, мальчик. Ты тогда это... мишку возьми. Медведь настоящий, местного производства, не китайский. За пятьсот отдам.

— Разве это мишка? — недоверчиво отвечал Степка. — Больше на зайца похож.

— Сам ты заяц! Где ты видел такого зайца здорового? Это медведь. Наш медведь, гусевский. Нигде таких больше нету.

— Какой, вы сказали? — переспросил Степка.

— Гусевский. Из Гуся-Хрустального, значит, где завод располагается. Мы ведь не только стекляшки, но и игрушки производим.

— Ага, понял.

— Он, кстати, разговаривать умеет, — мужик нажал существу, которое он называл мишкой, на живот, и оно немедленно отозвалось хорошо различимыми словами: «Привет, Степка! Возьми меня с собой! Пожалуйста! Будь другом!». Голос был с хрипотцой, как у взрослого мужчины, который с утра еще не успел прочистить горло.

Степка оторопел, словно обнаружил у себя дополнительную конечность. Пока он думал, что ответить, усатый сунул ему в руки игрушку.

— Ну, Бог с тобой, давай четыреста и иди к черту.

Степка не помнил, как полез в карман, как вытащил деньги. Вспомнил он себя лишь, когда проводница дотронулась до его плеча и тихо сообщила: «Скоро отправляемся»...

В коридоре поезда Степка несколько раз нажимал игрушке на живот и другие части ее мягкого туловища, но она не отвечала.

— Вот жулик, — подумал Степка про мужика с люстрой. — Но ведь я точно слышал, как игрушка называла мое имя. Ерунда какая-то. Надо идти спать.

В купе мальчик с папой уже растянулись на полках. Папа храпел, а мальчик только сопел. Дорожные шахматы были куда-то спрятаны, и результат партии остался Степке неизвестен. Он, правда, не сильно сокрушался по этому поводу.

Степка долго не мог придумать, куда ему пристроить приобретенную игрушку. Так и не отыскав подходящего места, он забросил ее наверх, прямо над своей полкой. И вслед за тем очень быстро уснул. Так быстро, что даже не успел подивиться всему, что приключилось с ним этой ночью на станции Вековка.

Рубен

Степка проснулся, когда от света, проникавшего в купе, невозможно было спастись даже с крепко закрытыми глазами. Еще не успев толком «включить голову», он запустил руку в пространство над своей полкой. Но рука не находила ничего мягкого и лохматого. Рюкзак. А где же этот... мишка или кто он там.. заяц? Или это все-таки был сон?

Степка вытянул шею и убедился, что над ним и в самом деле нет никакой игрушки.

— Ты кого там ищешь? — услышал он голос снизу. Знакомый, невероятно знакомый голос. С легкой хрипотцой. Где же он слышал его? Такими несмазанными голосами обычно говорят злые волки в старых советских мультиках.

Степка посмотрел вниз и обнаружил на нижней полке вчерашнего то ли мишку, то ли зайца. Он сидел у столика с чашкой в... мохнатой черной лапе. Степка внимательно посмотрел на игрушку. Но та невозмутимо сидела и даже не думала поворачивать голову в его сторону.

— А... где папа? Где мальчик? — наконец спросил Степка.

— Папа, подозреваю, в Ватикане. А мальчик... Да был ли мальчик-то? — задумчиво произнес то ли мишка, то ли заяц и, не дожидаясь ответной реплики Степки, загоготал. Если бы Степка не видел источника этого гогота, то он непременно решил бы, что кто-то одновременно душит трех сильно кашляющих пожилых людей.

— Ты... Вы... Ты кто?! — Степка крепко вцепился обеими ладонями в полку.

— Можно на «ты», — отвечал то ли мишка, то ли заяц и протянул Степке свою мохнатую лапу. — Рубен.

— А вы... ты... ты кто? — Степка осторожно пожал кончик лапы.

— Ну, сказано же: Рубен.

— Это я уже понял. Но... ты же... не совсем человек...

— Не совсем, — подтвердил тот, кто назвался Рубеном.

— А кто тогда?

— Слушай, ты что такой любопытный?! Не успел глаза протереть, а уже столько вопросов: кто ты? что ты? зачем? и почему? Слезай лучше, чай пить будем. Кушать будем. А про все остальное Рубен тебе потом как-нибудь расскажет.

— Когда это потом?

— Когда у Рубена настроение будет.

Степка наконец решился спуститься вниз. Он устроился на пустой нижней полке напротив Рубена и теперь мог внимательно разглядеть «гусевского мишку» при ярком свете. Тело Рубена, за исключением лица, ладоней и пяток, было покрыто черной жесткой шерстью. Что-то наподобие мутона, из которого была изготовлена Степкина ушанка, которую он носил и никак не мог носить. Лицо, совершенно свободное от растительности, имело овальную форму. Половину его занимали большие карие глаза. На медведя он совсем не походил. Но и на зайца тоже. Почему же вчера Степке показалось, что Рубен похож на зайца? Уши? Да нет же. Обычные уши. Большие, конечно. Но, по правде говоря, они больше смахивают на уши коровы, чем зайца. И губы, кстати, коровьи. А нос... Такие носы бывают только у орлов.

Пока Степка разглядывал своего нового соседа по купе, Рубен молча пил чай.

— Ну что, изучил, кареглазый? Давай чаевничать, — только сейчас Степка заметил на столе вторую кружку.

— Конфеты употребляешь?

— Как ты сказал? Конфеты?! — Степка засмеялся.

— Что тут смешного? — Рубен сделал грустное лицо.

— Прости, но смешно сказал: «конфеты» вместо «конфеты».

— Рубен всегда так говорит. А если кто-то здесь шибко умный и грамотный, то может с Рубеном не общаться. Рубен никому не навязывается.

— Прости, Рубен. Я очень люблю конфеты... то есть конфеты, — Степку забавляла манера нового попутчика говорить о себе в третьем лице.

Лицо Рубена смягчилось, как будто кто-то провел по нему утюгом. Неизвестно откуда на его широко раскрытой лапе появилась конфета «Мишка на севере».

В купе постучали и, не дожидаясь ответа, вошла девушка-проводница.

— Вот ваша сдача, дорогой Рубен.

Рубен протянул к девушке лапу, и она высыпала в нее несколько желтых и белых монет. После этого Рубен прислонил лапу к правому боку, и деньги куда-то таинственным образом исчезли.

— А я вижу, ты уже успел со всеми познакомиться, — отметил Степка с кривой усмешкой.

— Не со всеми. А проводница — приятная девушка. Пока ты спал, Рубен с ней весело поболтал о жизни.

— А почему никто не пугается тебя? Вот эта проводница, к примеру. Она разговаривает с тобой, как будто ты... — Степка запнулся, подбирая нужные слова, — ничем не отличаешься от других.

— Справедливое замечание. Дело в том, что они видят Рубена другими глазами... как обычного человека. Высокого симпатичного мужчину средних лет с пробором и маленькими усиками, как у оперного или даже опереточного певца.

— Вот оно что! А почему тогда я тебя вижу... ну... как это сказать...

— В настоящем облике?

— Ну, да.

— Понимаешь, Степка... — неторопливо начал Рубен.

— Послушай, Рубен, — перебил своего собеседника Степка. — А ты откуда мое имя знаешь? Ты же вчера меня по имени назвал. И вот сейчас...

— Рубену сон был. Что мальчик едет. Что зовут Степка. Что едет он в город Котлов.

— Вот это да! Вещий сон, получается? Но как же ты нашел меня? — не унимался Степка.

— Очень просто. Во сне номер поезда и номер вагона назвали.

— А что там еще назвали, в твоём сне? Мою группу крови? Или имя первой учительницы? — встревожился Степка.

— Так, ничего стоящего, — махнул лапой Рубен. — Мелочь всякая.

— А... ты же на станцию не своими ногами... или лапами дошел. Тебя же хозяин... или как его назвать... принес.

— Да, принес.

— Но как?! — не уставал удивляться Степка.

— Что как? Как Рубен уговорил его? Проще простого: гипноз. Для него Рубен был просто игрушкой, мишкой с четырьмя мохнатыми лапами. Но Рубен внушил ему, что нужно подойти к этому поезду, к девятому вагону. Потом вот накладка небольшая вышла. Что-то он с люстрой увлекся, купчишка. Рубен уже напугался, что ты уйдешь в свой поезд. А гипноз почему-то на тебя не очень действовал. Пришлось попотеть.

— Странно, — пробормотал Степка, — а мне показалось, что я вчера вечером спал, и мне все это приснилось.

— Ну, приснилось или не приснилось, это теперь уже совсем неважно, — подытожил Рубен, хлопнув лапами по столу так, что зазвенели чашки с недопитым чаем. — Главное, Рубен теперь с тобой. И давай кончай свои вопросы. Слетай в туалет, зубы почисти, туда-сюда. Скоро Котлов будет.

Поезд и в самом деле уже приближался к городу. Когда Степка вышел в коридор, он увидел из окна какой-то водоем — то ли реку, то ли озеро и на противоположном берегу его — красивую крепость с толстенными белыми стенами, покрытыми сверху серого цвета дощечками, составлявшими в совокупности крышу. Над стенами возвышались стремившиеся цветом своим приблизиться к небу церковные купола и наконечники минаретов. А между ними выделялась башня из темно-красного кирпича, похожая на перевернутый кверху ногами вафельный рожок от мороженого.

— Так вот он какой, котловский Кремль, — восторженно прошептал Степка. — Такой большой и такой красивый. Как на фотографии.

Кафе «Сказка»

Здание вокзала в Котлове было внушительным. Старинное, из красного кирпича. Степка уважал красный кирпич и потому незамедлительно сфотографировал на телефон вокзал или, если быть точным, его парадную часть с белыми львами по обеим сторонам от входа. У обоих львов были почему-то отбиты носы.

— Слушай, Рубен, — закричал вдруг Степка, который даже слегка подпрыгнул от посетившей его простой и радостной мысли, — а давай вместе сфоткаемся!

— Рубен не против, только ты потом не обижайся.

— Почему я должен обижаться?

— Дело в том, что на твоей фотографии Рубена не будет видно.

— Как не будет? Ты шутишь?

— Ты не веришь своему другу Рубену? — глаза Рубена стали грустными, а лицо приняло такое выражение, которое Степка уже разок видел в поезде, когда позволил себе посмеяться над «конфетками».

— Верю, но...

— Ну, ладно, пробуй, но потом не говори, что Рубен тебя не предупреждал. — Рубен сделал шаг в сторону и схватил за плечо проходившего мимо лысого парня в свитере с оленями. — Уважаемый, сделайте снимок, пожалуйста.

Рубен взял из рук Степки телефон и передал парню.

— Ну, давай, недоверчивый мальчик, становись рядом.

Степка подошел и остановился в полшаге от Рубена.

— Давай ближе, а то потом будешь говорить, что Рубен из кадра выпал.

Когда случайный фотограф завершил свою вынужденную, но несложную работу, Степка нетерпеливо бросился к нему. Он выхватил у лысого телефон, забыв даже произнести благодарственные слова. За него, впрочем, это сделал Рубен.

Степка открыл фотогалерею и... увидел на фоне краснокирпичного вокзала самого себя с перепуганным лицом. Рубена или хотя бы какой-то части Рубена на фотографии не наблюдалось.

— Вот черт! — вскричал Степка.

— Нет, не совсем, — отозвался Рубен. — Рубен немного по другому ведомству проходит.

— По какому такому ведомству? — глаза Степки еще больше округлились.

— Маленький ты еще о таких вещах знать.

— Темнила, — пробурчал Степка.

Не сговариваясь, они двинулись в одну сторону. Степка молчал и не глядел на Рубена. Рубен тоже не открывал рта. Степка не подозревал, что в таких случаях полагается говорить. С одной стороны, он был невероятно зол на Рубена за то, что тот ничего о себе не сообщал. С другой — что-то говорило ему, что Рубена не стоит опасаться.

— Может, он меня загипнотизировал?! — вдруг осенило Степку. — Какой же я идиот! Валишь! Нужно немедленно валишь, пока этот тип меня совсем не заколдовал. Тот он напрягся, когда я черта упомянул. А я тут иду с ним, уши развесил. Куда иду? Куда он меня тащит, черт мутоновый?! — Степка остановился и собирался озвучить Рубену все, что только что пришло ему в голову, но тот опередил его и первым открыл свою большую клыкастую пасть.

— Ты, Степка, наверное, сейчас идешь и думаешь: куда это я иду с этим чудовищем? — непривычно тихо произнес Рубен. — Рубен тебя хорошо понимает и даже не осуждает. Не каждый день в твоей жизни попадают субъекты вроде Рубена. И ты имеешь полное право Рубену не верить. Но Рубен верит, что ты не станешь его прогонять.

В этот раз Степка даже не удивился всезнанию своего спутника. Он лишь спросил:

— Почему ты так решил?

— Интуиция. И еще запомни одну важную вещь. Никогда не принимай важных решений на голодный желудок! Сначала нам нужно заморить червячка. Вот, кажется, кафе с местной пищей. «Сказка»... Неплохое название. Что думаешь?

У Степки давно урчал живот — то ли от волнения, то ли от голода, то ли от того и другого. И он отправился вслед за Рубеном в «Сказку».

— Ладно, — сказал самому себе Степка. — Поем сначала, а там видно будет. Главное, в оба глядеть, чтобы этот Рубен мне ничего в тарелку не насыпал.

Кафе оказалось достаточно большим, с двумя просторными залами. Стены в обоих помещениях были раскрашены на сюжеты детских сказок и мультфильмов, хорошо известных Степке. Они выбрали столик у окна под изображением Волка и Зайца из «Ну, погоди!». Волк в тельняшке поднял вверх передние лапы. По сюжету мультфильма, Волк намеревался сцапать Зайца. Но здесь художник так изобразил Волка, словно тот хотел заключить Зайца в нежные объятия. Была ли это оплошность со стороны не очень искусного живописца или замысел тонкого мастера, неумолимого разрушителя шаблонов, сказать было сложно. Любопытно, что Заяц был не вполонину, а всего лишь на полчерпа меньше Волка ростом. И вместо того чтобы изобразить ужас на лице, он приветливо улыбался своему извечному угнетателю.

Рубен попросил меню.

— А тут недорого? — поинтересовался Степка.

— Наверяд ли, — отвечал Рубен. — Но пусть это тебя не заботит: Рубен угощает.

— Нет, нет! — запротестовал Степка. — Я сам за себя заплачу. У меня есть деньги.

— Рубен не сомневается в этом. Но давай лучше ты Рубена в следующий раз угостишь.

— А может, следующего раза не будет? — сказал Степка.

— Слушай, как с тобой сложно. Ну, не будет так не будет. Тогда бросишь деньги на телефон.

— Так у тебя ж нет телефона!

— Ай, — взмахнул руками Рубен и сверкнул своими глазищами в сторону Степки. — Закружи тему? Лады?

— Лады, — согласился Степка.

— Ты ничего против кыстыбьев и перямячей не имеешь? — спросил Рубен, оторвавшись от меню.

— Что? — переспросил Степка.

— Это местные котловские кушания. Перямяч — что-то вроде пирожка с мясом, но гораздо вкуснее. А кыстыбый чем-то смахивает на обычный пирожок с картошкой, но, по скромному мнению Рубена, он тоже вкуснее.

— Давай и то и другое, — сказал Степка.

Степке понравились перемячи, но в особенности же — кыстыбый. «Надо будет еще как-нибудь попробовать», — обещал он себе. Завтрак завершился чаем с лимоном.

— Ну, а теперь, — сказал Рубен, вытирая губы тыльной стороной лапы, — рассказывай, зачем ты приехал в Котлов.

— Как?! — изумился Степка. — Я думал, ты обо мне все знаешь.

— Знал бы прикуп — жил бы в Сочи, — усмехнулся Рубен. — Рубен получает информацию во сне. Про твои делишки в Котлове Рубен ничего не знает.

— Понятно.

— Так зачем ты едешь в Котлов? Искать приключения?

— Нет, не приключения.

— А зачем?

— Я еду, — тут голос Степки дрогнул, — за папой.

— А где твой папа?

— Пропал...

— Ясно. А мама где?

— Мама... мама осталась в Москве.

— Вот они, современные мамыши, — покачал головой Рубен. — Такого, в сущности, младенца одного отпустила.

— А меня никто и не отпускал, — обиделся Степка. — Я сам уехал.

— Как так? Сбежал? Маленький беглец!

— Мама думает, что я дома. Я звоню ей и эсэмэски пишу по несколько штук за день. Она просто сама не дома. Она в больнице. Она болеет.

— А зачем ты тогда уехал? Кто ж ей апельсины в больницу носить будет?

— Мне папу найти надо, — тихо произнес Степка, теребя салфетку. — Понимаешь? Обязательно надо! Тогда и мама выздоровеет. А если бы она дома была, она бы меня, конечно, не отпустила. Тем более за папой. Сначала она говорила, что он умер, когда я маленький в детском летнем лагере был. Но я всегда знал, что он не мог умереть, не попрощавшись со мною.

— А вдруг он действительно не успел? Взял и помер. Бывает так, что человек умирает и даже чаю попить не успеваает...

— Нет, — перебил Рубена Степка, — с моим папой такого точно бы не случилось. Да и мама потом призналась, что он не умер, а уехал.

— Как меняется мир, — Рубен снова покачал головой. — Раньше детям внушали, что их папа уплыл в далекие страны на большом корабле или улетел с секретной экспедицией на Венеру. Теперь просто говорят, что он умер. Налицо — кризис фантазии у матерей-одиночек. Ладно, не обращай внимания. Рубен любит пофилософствовать. И куда же уехал твой папаша?

— Не папаша, а папа! — поправил Рубена Степка. — В Котлов.

— Зачем?

— Мама говорит, что он уехал к одной плохой тете.

— Всего-то! — выдохнул Рубен. — И как ты собираешься найти эту плохую тетю?

— У меня адрес есть, — Степка положил руку на карман своей джинсовой рубашки. — У мамы выпросил, сказал, что хочу письмо папе написать.

— А ты парень не промах, — усмехнулся Рубен. — Ты что, прямо сейчас туда намылился? С корабля на бал?

— Да.

— И что же ты скажешь этой нехорошей тете?

— Скажу: отдавай моего папу, или я тебя убью, — произнося это, Степка сжал зубы.

— Фу-фу-фу! Какая пошлость. Рубен не ожидал от тебя такого... А с виду умный мальчик. И чего ты получишь? Она вызовет полицию. Придет дядя в форме, и тебя прямым рейсом отправят к маме. Ей будет очень приятно узнать о твоих приключениях. А если тетя окажется совсем плохой, то она еще твою маму обвинит, что это именно она тебя подговорила... Нет, это не наш путь.

— Допустим, ты прав, — неохотно согласился Степка. — Но что мне тогда делать? У тебя есть идея, или ты только критиковать умеешь? — сказав это, Степка сам поdivился своей дерзости.

— Пока нет. Тут с умом надо действовать. Ты, пожалуйста, помолчи немного, дай Рубену подумать. — Рубен закрыл глаза и откинулся в кресле. Степке даже показалось, что он задремал. Он молча смотрел то на Рубена, то на Волка с Зайцем. Минут через пять Рубен открыл глаза.

— У тебя обратный билет есть? — спросил Рубен после того, как несколько раз протяжно зевнул. Увидев длинные с желтоватым отливом клыки в его широко раскрытой пасти, Степка поморщился.

— Нет. Я решил, что пока папу не найду, никуда не уеду.

— А когда мама из больницы выходит?

— В следующую субботу... если все нормально будет.

— Так-так. Сегодня воскресенье. Времени немного. Но успеть можно. Пошли.

— Куда?

— Как куда, чудак?! К твоей «плохой тете». Пока она еще сидит дома и ест свой бутерброд с вареньем.

«Плохая тетя»

Навигатор привел их, подобно волшебному комочку ниток из сказки, к дому под номером 66 по улице Волкова. Адрес этот был выведен на бумажке, которую Степка выпросил у мамы.

Улица, в которой был прописан дом, была в воскресное утро безмолвна, как старый, навсегда уснувший сом, длинный и никому не нужный. Сам же дом оказался деревянным. Доски нижнего этажа были черного цвета, а во втором этаже — светло-ко-

ричневого. «Светлый низ, темный верх», — сразу же вспомнил Степка инструкции их классного руководителя Валентины Александровны, которые она давала перед каждым торжественным мероприятием в школе. Вот только едва ли дом, перед которым они сейчас стояли вместе с Рубеном, натужно вглядываясь в окна, готовился к празднику. Скорее он доживал свои последние дни и собирался развалиться на части, как только представится удобный случай.

— Как же здесь папа живет?! — ужаснулся Степка. — Этот дом может в любой момент накрыться.

Слева от них на перекошенное крыльцо выходила двустворчатая, давно не крашенная дверь. Сбоку от нее с трудом различалась кнопка звонка.

— Запомни, мальчик, здесь будет разговаривать Рубен, — шепотом предупредил Рубен Степку. — А ты молчи и слушай. А то натворишь чудес.

— Хорошо, — согласился Степка. — Но если ты будешь говорить то, что мне не понравится, я молчать не буду.

Рубен ничего не ответил.

По дороге к дому «плохой тети» Степка не удержался и спросил Рубена: «Слушай, а почему ты мне помогаешь? В чем твой интерес?»

— Законный вопрос, — отвечал Рубен. — И ответ на него не так прост, как тебе хотелось бы. Есть вещи, которые от Рубена не зависят. Хочет Рубен или не хочет, есть у него интерес или нет, — он должен это делать. Его никто не спрашивает.

— То есть тебя кто-то заставил помогать мне?! — воскликнул Степка.

— Можно сказать, что и так.

— И ты не можешь отказаться? Совсем-совсем? И убежать не можешь?

— Не могу и, по правде сказать, не хочу. Ты сообразительный парень, но без меня ты тут не справишься...

— Но кто же может заставить тебя, такого большого и сильного, что-то делать?

— Начальство. Оно у меня строгое. Не выполнишь приказ — останешься на бобах.

— А что за начальство? Наверное, какой-нибудь Иван Иванович со стрижкой бобриком и в черном костюме в полоску? — именно так Степка почему-то представлял всех начальников.

— Что-то вроде этого, — оскалился Рубен.

Весь остальной путь до дома 66 по улице Волкова они молчали. Степка думал о том, что совсем скоро увидит папу. Он не представлял, что ему следует делать. Ни в одной книжке, которую он читал, ни в одном фильме, который ему доводилось смотреть, не было ответа на этот вопрос. Что же он сделает? Бросится к папе? Обнимет его? Или лучше подождать, когда тот сам подойдет? Степка много раз думал об этом и прежде, но так и не нашел нужного ответа.

Его размышления прервали слова Рубена: «Это здесь».

Рубен несколько раз надавил на толстую и розовую, как старая клюква из морса, кнопку.

— Кажется, эта штука не работает. — Рубен подошел к окну и постучал по нему тыльной стороной лапы. Звук получился громкий. К удивлению Степки, шерсть на лапе Рубена совсем не смягчала удара.

Прошло еще немало времени, прежде чем с той стороны окна началось какое-то движение. Занавеска отодвинулась, и в окне проявилось бесформенное красное лицо с неизмеримым количеством черных точек на нем. На голове были растрепанные седые волосы. Из волос торчали какие-то штуки, напоминавшие по форме полые картонки из-под новогодних хлопушек, но испещренные множеством дырочек.

— Че надо? — выдавила из себя голова.

«Фу, какая гадкая!» — подумал Степка и закрыл глаза руками.

— Нам бы Лидию Николаевну, — вежливо сказал Рубен. — В дороге он выяснил, как зовут «плохую тетю», а также все, что знал о своем отце Степка. А знал он, честно говоря, немного: имя, отчество, фамилию. И еще прошлую профессию папы: инженер.

— Лидку, что ль? Она во флигеле живет, во дворе, — отвечала голова. — Стучи в дверь рядом. Ходят тут, черти проклятые... с утра пораньше, сон ломают.

У Степки отлегло от сердца. Как хорошо, что это чудовище в окне не Лидия Николаевна.

— Рубен. А что это у нее на голове?

— Это бигуди. Чтобы волосы вились. У мамы твоей нет, что ли, таких?

— Нет, — отвечал Степка, не зная, хорошо это или плохо.

Рядом с деревянной дверью, которая, по-видимому, служила главным входом, находились откатные алюминиевые ворота. Сбоку от них на ржавом столбике также имелась кнопка звонка, только уже не светло-клюквенного, а темно-брусничного цвета. Рубен позвонил. На этот раз ждать пришлось совсем недолго. Ворота отъехали сантиметров на десять, и в открывшемся пространстве показалось женское лицо. Русые, не очень густые волосы до плеч, близко посаженные глаза зеленого цвета. Вытянутый лисий нос. На женщине был халат цвета морской капусты. На ногах — калоши. У Степкиной бабушки, жившей в деревне, были точно такие.

— Вам кого? — спросила женщина голосом, который в классических романах позапрошлого века называют грудным.

— Добрый день, — сказал Рубен, оскалив пасть. — Разрешите представиться: Рубен. А это — Степка. Мы приехали в Котлов по делам, и Степка захотел увидеть своего папу.

— Степка, — прошептала женщина, и губы ее задрожали. Она схватила Степку за голову и крепко прижала к своему халату. От халата пахло какой-то едой — какой точно, Степка не мог определить. Запах этот, смешанный с ароматом духов, вызвал у Степкиного желудка сильное желание опростаться. Степка всерьез испугался, что если его все-таки вытошнит, он испортит разговор Рубена с «плохой тетей». Он пытался мягко, но настойчиво высвободиться, но Лидия Николаевна держала его крепко. Наконец она отпустила его, и Степка сразу отскочил на пару шагов в сторону.

— Боже мой! Степка! Как же ты похож на своего папу. Я когда тебя увидела — сразу что-то почувствовала. У меня сегодня с самого утра какое-то предчувствие было: что-то должно произойти. Грудь болела, сухость во рту. И вот вы пришли. Теперь все объяснилось...

— Интуиция, — вставил Рубен.

— Да-да, она самая... Что же мы тут стоим как неприкаянные? Проходите скорее в дом!

Лидия Николаевна закрыла за гостями ворота. Во дворе действительно находился небольшой флигелек, выкрашенный почему-то в розовый цвет. Он был не менее ветхим, чем сам дом. Слева от него была прислонена лестница, которую Степка вначале принял за подпорку, удерживавшую флигелек от расползания.

— Вот здесь я живу, — быстро лепетала Лидия Николаевна, забегая вперед перед гостями. — Только у меня не убрано. Вы не обращайтесь внимания.

В тесной и темной прихожей Степка сбросил кроссовки, Рубен тоже произвел какие-то действия с нижними лапами. Лидия Николаевна проследовала в гостиную. От Степки не укрылось, что один ее носок слегка порван на пятке.

Комната показалась Степке просторной. Посредине стоял круглый стол, на котором была разложена белая скатерть с синей каймой. На скатерти присутствовало изображение двух петухов. Оба петуха почему-то были синими, только гребешок и борода у них были ярко-красными. К одной из стен тесно прижался книжный шкаф. Книги

в нем находились в разных положениях: одни стояли, другие лежали на боку, третьи располагались корешком вниз. На противоположной стене висел ковер, на котором была воспроизведена картина с тремя охотниками на привале. Степка не помнил ни названия картины, ни имени художника. Под ковром стоял диван с тремя подушками и двумя боковыми валиками. На диване в беспорядке лежало несколько журналов. Степка прочитал название одного: «Все для женщины».

— Вы садитесь, а я сейчас, — суетливо произнесла Лидия Николаевна, отодвигая поочередно от стола три стула с высокими спинками. — Чай как раз вскипел, я как чувствовала.

— Сейчас, наверное, принесет самовар, — решил Степка. Но, к его разочарованию, Лидия Николаевна возвратилась из кухни с обычным чайником.

— Ты любишь сушки? — ласково обратилась она к Степке.

— Не люблю, — сухо отвечал Степка.

«Заискивает, пытается услужить, — думал он. — Как говорила в таких случаях бабушка, знает собака, чье мясо съела. А ведь она и в самом деле на собаку похожа! На лайку или хаску. Близко расположенные глаза. Вытянутый нос». Степка порадовался своему наблюдению и даже хотел поделиться им с Рубеном, но тот был слишком серьезен, и Степка оставил эту затею.

— Так вы, что же, из самой Москвы приехали?

— Из нее самой, — не моргнув глазом, отвечал Рубен.

— А я вот в Москве только два раза была. Один раз в школе, а другой раз с Морганом Ивановичем, — увидев гримасу на лице Степки, Лидия Николаевна осеклась.

Дело в том, что Морганом Ивановичем звали Степкиного папу. Степка искренне верил, что его так прозвали в честь пирата, и очень гордился своим отчеством. Но потом мама объяснила ему происхождение этого необычного имени. Оказывается, папин папа, то есть Степкин дедушка Иван Калистратович, был генетиком, последователем идей одного американского ученого по фамилии Морган. За то, что он сильно любил этого самого Моргана, его однажды арестовали и посадили в тюрьму. Потом Иван Калистратович вышел на свободу, но все равно продолжал любить Моргана, но только теперь тихо, так, чтобы никто из чужих об этом не догадался. Однако не таков был характер дедушки, чтобы молчать о своих чувствах. Долго таить этой любви он в себе не мог, и когда у него родился сын, то есть Степкин папа, он назвал его Морганом. А еще этот Морган, не Степкин папа, а тот американец, в честь которого папу называли, получил Нобелевскую премию. Мама сказала, что получить Нобелевскую премию — это покруче, чем быть пиратом.

Затем Лидия Николаевна принялась рассказывать о домике, в котором жила. О том, как их каждый год собираются переселить, но она не хочет. Что она привыкла к этому дому. Его в свое время купил Морган Иванович и сам покрасил его в розовый цвет.

Время тянулось медленно. «Наверное, в деревянных домах все должно быть медленнее, и время тоже», — подумал Степка. Степка вовремя успел закрыть рот, утаив от Лидии Николаевны свой зевок. Потом откуда-то возникла бутылка вина. Лидия Николаевна налила себе и Рубену в тонкие бокалы, сообщив попутно, что их подарил ей Морган Иванович на день рождения. Когда Лидия Николаевна стала рассказывать подробности их знакомства с Морганом Ивановичем, о том, как он называл ее Маргаритой и купил этот флигелек, это маленькое уютное гнездышко, из которого их бесчеловечно хотят выселить городские власти, Степка не выдержал:

— А папа где? Он... скоро придет?!

Лидия Николаевна поставила недопитый бокал на стол.

— Дорогой Степка... Наверное, мне надо было сказать это с самого начала. Но у меня не хватило смелости... Твой папа здесь давно уже не живет. Он ушел.

— Куда?!

— О, если бы я знала! — умоляюще застонала Лидия Николаевна.

— Но он... ж-ж-жив?! — от волнения Степка стал заикаться.

— Я очень на это надеюсь. Но я видела его последний раз года два назад... Подождите, она подошла к висевшему рядом с книжным шкафом настенному календарю и, приблизившись к нему почти вплотную, стала, шурясь, изучать какие-то записи на нем. — Да, так и есть. Мы не виделись один год, десять месяцев и три дня.

Такая точность изумила Степку.

— Но ведь это почти два года! — вскричал он. — И за все это время он не звонил и не писал?

— Не звонил и не писал, — отвечала Лидия Николаевна и вдруг заплакала. — Эх, верно говорят, на чужом несчастье своего счастья не построишь. Ты, Степушка, не злись на меня. Не суди меня строго! Я ведь папку твоего Моргана от души всей любила. Понимаешь, любила и сейчас люблю. Меня судьба уже покарала. Я гнева людского не боюсь, — сказав это, Лидия Николаевна встала и бухнулась на колени перед Степкой.

Степка вскочил со стула. Поднялся и Рубен.

— Слушай, Степка, выйди-ка во двор на минутку, — то ли попросил, то ли приказал Рубен. — Рубену с Лидией Николаевной надо поговорить по-взрослому.

Степка и сам был рад куда-нибудь исчезнуть, так надоели ему воспоминания Лидии Николаевны об утраченном рае. Он вышел на крыльцо. Только сейчас он заметил конуру, из которой выглядывала морда собаки. Это была хаска. Степка зло усмехнулся. Собака уныло поглядела на Степку, словно он так ей надоел, что она готова сквозь землю провалиться, только бы его не видеть. Рядом с конурой был пенек.

— Может, эта собака грустит оттого, что спилили ее любимое дерево, — предположил Степка. Но вскоре он перестал думать о собаке.

Ему хотелось ненавидеть Лидию Николаевну, но ярость в Степкином сердце почему-то уступала место жалости. Вот она украла его папу. Она думала, что теперь заживет, как королева из сказки. Но вместо этого она теперь осталась одна в этом унылом мертвом доме. Доме, который она боится даже ненадолго оставить, потому что его могут разрушить.

Степка не знал, сколько времени он просидел на крыльце. Но когда дверь закрипела и он услышал голос Рубена, ему показалось, что он пробыл в одиночестве целую вечность или около того. За спиной Рубена стояла Лидия Николаевна с носовым платком в руке. Глаза ее были красными.

— Рубен, милый Рубен, обязательно найдите его, — говорила она, то и дело проводя кончиком платка по глазам. — Я вас очень прошу. Его надо спасти, я чувствую это. Вас сам Господь послал.

Рубен сухо ответил:

— Постараемся. Мы затем и приехали.

— Что она тебе сказала? От кого спасти? — закричал Степка, обеими руками впившись в лапу Рубена.

— Успокойся, а! Выйдем отсюда, Рубен тебе все объяснит.

— Ну, что там у тебя?! — взмолился Степка, когда алюминиевые ворота остались за их спиной. — От кого нужно спасти папу?

— От самого себя.

— Как это? Значит... она соврала все, про папку? Он здесь?! Ведь так? Скажи!

— Нет, не соврала, — терпеливо отвечал Рубен. — Он действительно уехал, и эта Лидия Николаевна в самом деле не знает куда. Честно говоря, будь Рубен на месте твоего папы, он бы на следующий день от такой тети убежал.

— Но что же нам теперь делать? Где его искать? Она что-нибудь сказала тебе?

— Что-нибудь сказала.

— Ну, не тяни же! — Степке хотелось с досады ударить Рубена по лапе, но он сдержался.

— А ты не гони лошадей. Пока ясно только одно: твой папа заварил кашу, которую нам будет непросто расхлебать.

— Какую еще кашу?! Ты можешь говорить по-человечески?

— Рубен не человек и не обязан уметь говорить по-человечески.

— Хватить шутить, Рубен! — взмолился Степка.

— Хорошо-хорошо, — замахал обеими лапами Рубен. — Ты только не кричи, Рубен не глухой. Надеюсь, что пока ничего страшного не случилось. Но мы с тобой очень вовремя приехали.

— И куда мы теперь пойдем? В полицию?

— Зачем в полицию? К одному кадру. Возможно, он наведет нас на верный след, — сказал Рубен и, переваливаясь с одной задней лапы на другую, направился к пешеходному переходу. — Не отставай, Степан Морганович.

Моррис

— Какая зануда, — сказал Рубен, кивая в сторону дома Лидии Николаевны. — Рубен еле ноги унес. Рассказала про своих папу и маму, про всех поклонников своих, начиная со школы. Все, что мне удалось выудить у нее, может уместиться всего в одной фразе. У твоего папы произошел переворот сознания.

— Переворот? Это как?

— Ну, как бы тебе попроще объяснить, — Рубен задумался на мгновение. — Это вроде как заворот кишок. Только в голове. Если совсем просто: жил человек, не тузил, а потом вдруг проснулся, открыл глаза и понял, что жил неправильно, и всю свою прежнюю жизнь перечеркнул.

— Перечеркнул... — с ужасом повторил Степка.

— Ну, не саму жизнь конечно, — увидев, как перепугался Степка, Рубен смягчил тон. — А взгляды на жизнь.

— И что же с ним теперь?

— А вот это как раз и предстоит выяснить. Эта Лидия позвонила другу твоего папы. Моррису Нафиковичу. Не слышал о таком?

— Нет, не слышал.

— Сейчас мы идем к нему. Рубен очень надеется, что этот Моррис нам сможет помочь.

Папин друг назначил Рубену встречу под памятником, который назывался «Часы». Это был необычный монумент. На черном столбе, сужавшемся по мере приближения к небу, по центру были установлены три черных циферблата восьмиугольной формы. Цифры на всех трех часах были арабские. Но это были не те цифры, которые принято называть арабскими на уроках арифметики в школе. Цифра пять походила на перевернутое кверху ногами сердце, а ноль был не бубликом с дыркой, а всего лишь унылой черной точкой. Над каждым циферблатом повисло в воздухе по одной фигуре: мальчика, девочки и лошади. Зачем тут нужна была лошадь, Степка не понимал. Но спросить об этом Рубена он не успел, потому что к ним уже направлялся бодрой походкой, широко размахивая руками, человек в длинном коричневом плаще и мутно-зеленого цвета тирольской шляпе с пером на большой, как у слона, лысой голове. В правой руке он держал свернутую в трубку газету. Степка сразу догадался, что это и есть Моррис Нафикович.

— Во дает! Как похож: просто клон, чай мне в ноги! — прокричал вместо приветствия Моррис Нафикович, вертя Степку, как волчок. — За папкой приехал?

— Да.

— Молодца. Он мне про тебя рассказывал. Говорит, сын у меня в Москве растет, Серега.

— Степан, — осторожно поправил Степка.

— Неважно, — ничуть не смутился Моррис Нафикович. — Хороший, говорит, сын у меня, очень. Я говорю: «А чего, езжай к нему!» Он все собирался поехать, но, значит, так и не доехал.

— Не доехал, — подтвердил Степка.

— А знаешь, за что твоего отца уважаю? — Моррис Нафикович ткнул Степку пальцем в грудь. — Он не рассказывал тебе?

— Нет.

Моррис провел ладонью по небритой щеке.

— Однажды я поспорил с товарищами на бутылку... — Моррис Нафикович поймал неодобрительный взгляд Рубена и поспешил поправиться, — кока-колы. Значится, поспорил я, что накормлю в нашем котловском зоопарке носорога яблоком. С руки накормлю. А носорог этот недавно у нас появился. Нам его из этой... Бурунди, кажется, местный король прислал в подарок. Ты спросишь, зачем ему это надо, в Котлов носорогов посылать? А я тебе отвечу. Очень просто: он у нас в Пединституте учился. Его тут многие помнят, особенно женщины... Так о чем это я, значит?

— Про носорога, — напомнил Степка.

— Точно! На этого носорога все тогда ходили поглядеть. Потому что он был не просто носорогом, а белым носорогом. Таких всего несколько штук на всю планету уцелело... Так, значит, залез я к нему, к носорогу этому, в клетку и накормил его. Но когда я пошел уходить, носорог вдруг стал надвигаться на меня. И если бы не твой отец, не говорил бы я сейчас с вами.

— А что он сделал? — спросил Степка.

— Он так жутко закричал, что носорог этот опупел просто. И я успел слинять. Иначе мне крышка была бы. Амба. Как есть, тебе говорю. Я потом по телевизору видел передачу про этих белых носорогов. Они самые суровые из всего носорожьего племени. Чуть что не по-ихнему — они рогом в брюхо, и привет.

— Дядя Моррис, а вы откуда моего папу знаете? — спросил Степка, впечатленный историей про белого носорога.

— Мы на заводе с ним работали. Он, значит, инженером у нас. А я на проходной. Он такой был. Всегда пройдет, какое-нибудь доброе словцо отвесит. Что, мол, Нафикович грустишь, давай мы тебе невесту найдем! Или яблоко на худой конец даст. У них яблоня во дворе растет. Видали, наверное?

— Больше не растет, — сказал Степка, вспомнив про пенек.

— Ладно, пес с ней, с яблоней. Так на чем мы соскочили?..

— На том, как вы вместе с папой работали, — напомнил Степка.

— Да, точно. А потом, года два назад, ему тогда сорокет стукнул, он вдруг переменялся. Понурый такой ходил, задумчивый. Я ему: «Ты чего, Гутен Морген?!» (Это мы его так на заводе прозвали Гутен Морген вместо Моргана.) А он улыбается, как красна девица, и ничего не говорит. И вот однажды повстречал я его... праздник тогда еще был, новоделанный, Независимости, что ли... на улице. Иду, настроение отличное, птички в душе поют. И тут вижу его. На Эсперанто, что ли, дело было. (Это улица у нас такая была, сейчас ее переименовали.) Стоит он грустный и вроде как потерянный. Я, значит, подошел к нему. Что, говорю, Гутен Морген, друг сердечный, загру-

стил? А он так посмотрел на меня, как будто я вошь на собачьем туловище. Не признал вроде как. Я унюхал, что дела у него не сахар. Айда, говорю, посидим, потолкуем. Что, говорю, невесел, что буйну голову повесил? Он мне тут и рассказал все как на духу. Держал долго в себе, носил, как кенгуру младенца, и выпростал вдруг все зараз.

«Наверное, этот Моррис тащится от „Animal Planet“, или „В мире животных“», — подумал Степка. Он тоже любил смотреть передачи про животных.

— Ну, присели мы, значит, — продолжал Моррис Нафикович. — И говорит мне Морган. Я, говорит, Моррис, разочаровался во всем. Обманывают нас кругом. По телевизору врут, по радио врут. Начальство на работе врёт. Все, короче, врут. Надоело, говорит, все это. Не хочу так больше.

Ну я, понятное дело, перепугался. Думаю: поехал мужик, сигануть в Котловку хочет или удавиться на худой конец.

— Соберись, — говорю, — со всеми такое бывает. Я вот тоже интересуюсь: зачем я живу? Каждое утро почти спрашиваю самого себя и ответа не нахожу. Но пакостных мыслей в голову не допускаю.

— Ничего ты, Моррис, не понимаешь, — говорит Морган.

А я ему в ответ, значит: «Так ты тогда поясни мне, убогому».

— Пока, — говорит, — готовым ответом не обладаю.

— Ну что ж, — говорю. — Когда найдешь, сообщи. Только не забудь.

И в самом деле, не забыл. Память у него хорошая была. Ловит он меня, значит, как-то у выхода с завода. Я не сразу и узнал его. В каком-то факирском халате. Пестрый такой халатец и весь в заплатках. Я даже спросил его: «Ты чего, в цирк устроился? Со змеями теперь выступаешь?» Но он шутки моей не принял. Он, значит, уже несколько месяцев у нас не работал. Даже за трудовой книжкой не зашел. Просто перестал на работу ходить, и все.

— Ты, — говорит он мне, — просил истину тебе сообщить, если найду. Вот я ее нашел.

— Где ж она у тебя, — говорю, — в кармане, что ли? — Это я так пошутил. Но он шутки не принял.

— Нет, в сердце, — отвечает.

Ну, присели мы, посидели с ним, как в тот раз, только он повеселее был. Он мне враз свое учение все как есть изложил.

— Что же это за учение такое? — спросил Рубен, на которого Моррис с самого начала не обращал никакого внимания.

— Э-э, я ведь не записывал и всего не упомяну сейчас, — сказал Моррис, поправляя на голове шляпу. — Идеи, они такие штуки... их, как угря, не удержишь без сноровки умственной. Но кое-что припомнить сумею. Он говорил, что нельзя водку пить, — Моррис стал загибать на правой руке пальцы, — мясо есть, не только свинину (я ее, проклятую, и так не употребляю с детства), а вообще. Рыбу не следует... что еще... ну любую живность, короче, нельзя... Еще нельзя ругаться матерно и вообще. Это я принимаю. Но скажите, что плохого, значит, в мобильном телефоне? Или, например, в этих... забыл уже... В общем, с одной стороны, Морган правильные вещи говорил. Но если все это в жизни применить, то совсем кисло будет. Я это ему все как есть сказал.

— Слушай, Гутен Морген, — говорю, — ты, конечно молодец, но я пока к таким ограничениям не готов.

— Хорошо, — говорит, — если надумаешь, позвони или пришли эсмэску.

— Так у вас... у вас его телефон есть!? — Степка даже подпрыгнул.

— Был. То есть номер его у меня имеется. Только не фурычит он. Я потом много раз и писал, и звонил. А там женщина таким строгим голосом талдычит одно и то же:

«Телефон абонента временно не обслуживается». Он же против мобильной связи, Морган, значит.

— И где же он теперь, вы не знаете?

— Кто, Морган? Известно где: в Торфяновке. Там у них вроде как штаб. Вы что, телевизор не смотрите?

— Нет, — хором признались Степка с Рубеном.

— Про них же по телику прошлой осенью репортаж был. Про морганистов...

— Про кого? — спросил Степка.

— Ну, про морганистов. Они так в честь твоего папки зовутся.

Будь эти слова произнесены при других обстоятельствах, Степка наверняка порадовался бы. Шутка ли, какие-то люди называют себя в честь его папы. Значит, он реально крут. Но сейчас чувство тревоги вытеснило все остальное.

— Дядя Моррис, а вы нас провести туда сможете? — спросил Степка.

— Хе. В «штаб»?

— Да.

— Ну, ты даешь, парень. Туда вас и милиционер провести не сможет. Они там, как в крепости, засели. Их поэтому еще называют «торфяновскими сидельцами».

— Хорошо, вы нам туда дорогу сможете показать? — спросил Рубен.

— Дорогу — смогу. Отчего ж. Могу даже с вами махнуть туда. Выходной сегодня, как-никак. Погодка хорошая. Только повторяю: внутрь этой крепостишки вас никто не пустит.

— Ладно, на месте разберемся, — сказал Рубен.

И все трое направились в сторону вокзала, того самого, вход в который стерегли два белых льва с отбитыми носами.

Планы меняются

Электричка стояла на третьем пути и с раскрытыми дверями дожидалась пассажиров. В вагоне, который облюбовали Рубен, Степка и Моррис, было немногочисленно. Они устроились на покрытых лаком деревянных скамьях: Степка у окна, рядом с ним Рубен, а напротив Степки — Моррис.

Степка вытащил телефон и при содействии Гугла принялся искать морганистов.

— Ух, ты! — вскрикнул он, и в возгласе этом можно было распознать крупницы гордости. — Целая статья есть в Википедии.

— Читай, — распорядился Рубен.

— Морганисты (от имени основателя секты — Моргана Ивановича Кукушкина), — начал Степка.

— Да-да, он самый Кукушкин, — подтвердил Моррис.

— Не перебивайте! — сурово оборвал его Рубен.

— ...Секта в России, в Среднем Поволжье, — продолжал Степка. — Зародилась в городе Котлове. Представляет собой эк... эклектический, — диковинное слово не сразу село ему на язык, — культ, включающий элементы христианства, ислама, буддизма и иудаизма. Основатель секты — Морган Кукушкин — в прошлом главный инженер на Котловском пороховом заводе, стал проповедовать свое учение в 2010 году. Согласно учению Кукушкина, весь мир является лживым и ненастоящим (Обителю Зла). Необходимо покинуть этот мир и жить изолированно, до тех пор, пока не появятся признаки его очищения от зла и лжи. К числу этих признаков, по мнению морганистов, относятся следующие: исчезновение границы между днем и ночью, появление единого языка, который будут понимать все живые существа на Земле, вынос из Мавзолея тела Ленина, отказ человечества от денег и др. Одним из элементов учения морганистов

является максимально полная изоляция от внешнего мира. Они не пользуются телефонией, мобильной связью, Интернетом. В настоящее время количество последователей секты достигает 50—70 человек. Большинство их проживает в загородном доме в поселке Торфяновка (Обители Добра — в терминологии морганистов) в 35 километрах от города Котлова. По некоторым сведениям, глава секты Морган Кукушкин скончался в 2015 году...

Степка почувствовал, как у него похолодели уши и налились тяжелым металлом конечности. Он чуть не выронил телефон. Рубен увидел в глазах его слезы.

— Скончался, — задумчиво повторил Моррис. — Нет, это навряд ли. Тогда бы все эти морганисты враз разбежались. Сами знаете: кот из дому — мыши в пляс. Когда вождь секты помирает, его последователи завсегда между собой грызутся на предмет, кто из них правильнее всех понимает их идеологию. Не плачь, Серега.

— Я не Серега, я Степка, — глотая слезы, сказал Степка.

— Ну тем более, раз ты Степка, не надо плакать. Я тебе как есть говорю, это они сами слух пустили, морганисты, значит, чтобы их в покое оставили. Или недоброжелатели сочиняют. Желаемое за действительное толкают.

— Моррис дело говорит, — согласился Рубен. — Ты давай видео поищи, посмотрим хоть, как они выглядят. Может, и папку твоего покажут.

На Ютубе заваялось три не очень свежих видео, почти трехлетней давности. Это были короткие новостные ролики. Поводом для приезда журналистов послужила история с водопроводом. Власти Торфяновки отказывались проводить водопровод, каким-то неправдоподобным образом увязывая эту проблему с существованием в поселке морганистов. Во всех трех видеосюжетах рассказывалось то, что Степка уже прочел в Википедии. Показывали высокий деревянный забор в два с половиной метра высотой, за которым скрывался так называемый «штаб», или Обитель Добра. Самого дома не показывали. Одной журналистке удалось взять короткое интервью у мужичка с длинной пепельно-седою бородой, выбиравшегося по каким-то надобностям в Обитель Зла и возвращавшегося в Обитель Добра. Он был одет в длинную белую рубаху почти до колен. Из-под рубахи были видны белые шаровары. На голове его сидела белая круглая шапочка. Журналистка спросила мужичка о водопроводе, и тот кротко отвечал: «Зачем людям водопровод, если они о Боге понятия не имеют? Зачем людям чистое тело, если душа грязна?..»

— Нет, это точно не папа, — решил Степка, пристально разглядывая бородачу.

Больше ничего толкового про Моргана и его последователей в Сети обнаружить не удалось.

— Ну что же, — сказал Рубен. — Не все так плохо. Нам известно, где они находятся. Известно, что они думают. Остальное уже во многом зависит от нас.

— А ты оптимист, Рубенчик, — сказал Моррис. — Ты думаешь, вы первые, кто их оттуда выпилить пытается? Там ведь, в крепостийке их, не только мужики засели, но и старики, женщины и детишки. Эти морганисты...

— Я извиняюсь, что вторгаюсь. Вы не про этих ли уродов-морганистов только что рассуждали, — Степка обернулся и увидел большое красное лицо с носом цвета вареной свеклы и маленькими глазками, настолько маленькими, что невозможно было установить их цвет. Во рту у говорившего Степка заметил два золотых зуба.

— Это еще почему уродов? — мгновенно отреагировал Моррис.

— А кто ж они такие, как не уроды? Я бы даже сильнее выразился, но тут ребенок, — краснолицый кивнул в сторону Степки. — Морочат людям голову. Добро бы еще сами дурью маялись, так ведь нормальным людям не дают житья. Я вообще не понимаю, куда правительство смотрит. Дали бы мне волю, я бы за полчаса с ними разделался.

— Это как же, позвольте узнать? — спросил Рубен.

— Да очень просто, — с радостью отвечал краснолицый, как ученик, хорошо подготовивший свой урок. — Пригнать туда БТР или танк, смять ворота в два счета и раскрошить их всех из пулемета. Что с ними чикаться!

— Эй-эй, потише на поворотах, дядя, — вставил Моррис.

— А ты что за них впрягаешься? Тоже, что ли, из их компании?

— Не из их, но кое-кого знаю...

— Теперь все ясно... Слышь, ты, спаситель мира! Нам от друзей твоих житья там нет. Так им и передай! Из-за того, что они в своей конуре окопались, нам несколько лет дорогу в поселке не строят. Да что дорога — водопровод не проводят. Все из-за них, дружанов твоих, так их разэтак.

— А чего это сразу из-за них! — Моррис поправил свою тирольскую шляпу. — Ты к депутату своему обратись или... кто там у вас. Какое они к этому касательство имеют? Сидят себе тихо, никого не трогают.

— Не трогают?! — взревел краснолицый. — Да они в свою секту чуть мою жену не втянули. Она познакомилась тут с одной их сектанткой в очереди в магазине. Чуть не затянули ее туда.

— Ты чего, дядя, так волнуешься? А может, твоя жена уткнула к ним, потому что ей с тобой общаться наскучило?

— Что?! Да я тебя! — через секунду краснолицый оказался перед ними. Он замахнулся на Морриса, но кулак его не достиг цели. Через мгновение Моррис уже стоял, поправляя съехавшую набок шляпу, а его противник оказался у самых его ног, поверженный на спину. Лицо краснолицего при этом было безмятежно, словно он спал.

— Убил, проклятый! Как есть убил. Я все видела! — взвилась вдруг сидевшая в соседнем ряду через проход маленькая старушка с красным платком на голове, обращаясь к пассажирам вагона. Она встала со своего сиденья и указывала пальцем то на Морриса, то на Рубена со Степкой. — Эта одна шайка.

— Это сектанты, они всех, кто с ними в контры вступает, убивают, — раздался откуда-то уверенный голос. Таким голосом обычно говорят эксперты в телевизионных ток-шоу. Но Степка не успел понять, кому принадлежали эти бестолковые слова. Неугомонная старушка притягивала к себе все его внимание.

— Эй, мужчина в желтой кепке! Да, вы! Я к вам обращаюсь! Нажмите там кнопку, красную, над вашей головой! — распорядилась старушка.

Мужчина в желтой кепке, сидевший в самом конце вагона, повиновался.

— Что говорить-то? — спросил мужчина в желтой кепке.

— Скажите, что в вагоне номер... там написан номер над кнопкой... произошла массовая драка с участием малолетних.

— Да ты что, бабка! — закричал Моррис и бросился к неумной старушке. — Ты в своем уме-то?

— Назад, убийца! — рявкнула старушка. — Не подходи! Сядь, где сидел.

Моррис отпрянул назад, но не удержался и повалился на краснолицего. Тот негромко застонал.

— Жив, поганец, — сказал, поднимаясь, Моррис. — Это он от испуга, значит, повалился. Я же его и пальцем-то не трогал. Как есть говорю.

— Надо бы его поскорее в чувство привести, — сказал Рубен. — А то тут умники некоторые полицию вызвали. Вода у тебя есть? — обратился он к Степке.

— Нет, только пепси-кола.

— Ладно, давай ее.

Набрав полный рот коричневой жидкости, Рубен выдул ее в лицо краснолицему. Тот лишь поморщился, но глаза не открыл. Рубен стал проверять у краснолицего пульс.

— Давай я ему плюну, — предложил Моррис. — У меня полный рот слюны, как у дромадера.

— Не надо, — коротко отвечал Рубен и снова склонился над краснолицым. Моррис все равно плюнул, но только в открытую створку окна.

Пока Рубен колдовал над краснолицым, поезд остановился.

— Похоже, нас тут встречают, — заметил Моррис, обращаясь к Степке с Рубеном.

Действительно, как только электричка распахнула двери, в вагон вошли двое полицейских. Один был высокий, но с большим животом, другой маленький, но стройный. Они сразу направились к Рубену, Моррису и Степке.

— Что здесь произошло, граждане?

— Убийство, — торжественно сообщила старушка в красном платке. — Вот этот, — старушка указала на Морриса, — он убил. Я все видела. Сначала разговор завел, спровоцировал этого... покойника. А потом раз его ножом в самое сердце. Я все видела.

— Что же вы такое говорите, бабушка! Каким ножом?! — возмутился Рубен.

— Разберемся, гражданин, — оборвал Рубена маленький полицейский.

— Они сектанты, — продолжала старушка. — Вот мальчика туда везут тоже. В секту ихнюю. Всех их, супостатов, вяжите, родненькие.

— Пройдемте, граждане, — сказал маленький полицейский. Степка не разбирался в погонах, но сразу уяснил, что маленький из этих двоих за главного.

— А с ним что делать? — Рубен указал на краснолицего.

— С ним «скорая» разберется, — сказал высокий полицейский.

— Давайте вынесем его. Ему на свежем воздухе легче будет, — предложил Моррис.

— Нет, труп ни в коем случае трогать нельзя! — строго сказал высокий полицейский.

— Какой же он труп! — закричал Степка. — Разве вы не видите: он же дышит.

— Любой находящийся в лежачем положении в непригодном для этого месте человек есть потенциальный труп, — отвечал высокий полицейский. — Так что не трогаем тело до установления его медицинского состояния со стороны компетентных специалистов.

Пока шел этот разговор, «потенциальный труп» зашевелился. Он несколько раз охнул и вытянул конечности, словно после сладкого сна, и наконец открыл глаза. Увидев склонившегося над ним высокого полицейского, краснолицый вздрогнул и снова закрыл глаза.

— Думает, что ему сон приснился, — шепнул Рубен Степке.

Похоже, Рубен был прав. Краснолицый через некоторое время снова отворил глаза и обнаружил, что строгая физиономия высокого полицейского нигде не исчезла.

— Где я? — тоскливо поинтересовался краснолицый.

— В электричке, — отвечал маленький полицейский.

Увидев второго полицейского, краснолицый совсем приуныл.

— Ну вот, жив ваш труп, — удовлетворенно сказал Моррис. — А шуму-то навели: убили, порезали! Обычный бытовой конфликт, как есть говорю.

— Вы не волнуйтесь, гражданин, мы во всем разберемся, — сказал маленький полицейский.

— А я и не волнуюсь, только нам, значит, ехать надо.

— С этим, к сожалению, придется обождать, — сказал маленький полицейский.

— Но ведь ничего же не случилось. Все живы, все довольны. Никто ни к кому претензий не имеет, — сказал Рубен. — Господин... не знаю, как вас по имени-отчеству... у вас какие-нибудь претензии к нам есть?

Краснолицый посмотрел сначала на Рубена, затем на полицейских, потом снова на Рубена и тихо пролепетал: «Нет».

— Вот видите, — сказал Рубен. — Какие еще могут быть вопросы?

— Вопросы, гражданин, всегда имеют место быть, даже когда все кажется очевидным, — многозначительно сказал маленький полицейский. — И пока мы не получим ответы на все интересующие нас вопросы, вы все считаетесь задержанными.

— Какие еще вопросы?! — крикнул Степка.

— Не волнуемся, юноша, — сказал маленький полицейский. — Во-первых, имела место драка, в которой в качестве нападавшей стороны принял участие вот этот гражданин... — полицейский указал на Морриса. — Как, кстати, ваша фамилия?

— Хамидов, — буркнул Моррис.

— Так вот, во-первых, гражданин Хамидов, согласно заявления гражданки, — как ваша фамилия... — он обратился к старушке в красном платке.

— Моя-то... А для чего тебе, милый? — спросила старушка.

— Для будущего протокола. Вы — главный свидетель.

— А... это да... это конечно... Аблизьянова моя фамилия.

— Так вот, — неторопливо продолжал маленький милиционер. — Согласно заявления гражданки Аблизьяновой...

— Согласно заявлению, — неожиданно прервал слова маленького полицейского Степка. У него в школе была пятерка по русскому языку, и он всегда поправлял ошибки одноклассников, за что получил небоевое прозвище «Грамотей».

— А ты, мальчик, лучше бы вообще помолчал, — вступился за своего товарища длинный полицейский. — Придет время, и тебя спросят по всем правилам русского языка.

Но и маленький полицейский мог постоять за себя.

— Электричка не место для филологических дискуссий, — отрезал он и продолжал: — Так вот... согласно заявления, — маленький полицейский сделал ударение на последней букве в вызвавшем спор слове, — гражданки Аблизьяновой, гражданин Хамидов выступил зачинщиком драки. Это во-первых, а во-вторых, согласно заявления упомянутой гражданки Аблизьяновой, упомянутый выше гражданин Хамидов, а вместе с ним граждане... как, кстати, ваши фамилии?

— Уринсон-старший и Уринсон-младший, — бойко отвечал Рубен.

— Граждане Хамидов, Уринсон-старший и Уринсон-младший принадлежат к опасной деструктивной секте.

— Да не принадлежим мы! — взвился Моррис.

— Не перебиваем. Не волнуемся. Мы во всем разберемся, гражданин Хамидов, — сказал маленький полицейский. — Если мы виноваты — принесем искренние извинения, если вы виноваты — понесете справедливое наказание. А теперь попрошу граждан Хамидова, Уринсона-старшего, Уринсона-младшего, гражданку Аблизьянову и... как, кстати, ваша фамилия, — маленький полицейский обратился к продолжавшему лежать на полу краснолицему.

— Васильев, — прохрипел тот.

— Так вот, — продолжал маленький полицейский, — упомянутых выше граждан, а также гражданина Васильева попрошу с нами на выход. А все остальным пассажирам желаю счастливого пути и светлых дней.

Фруктовая фамилия

Полицейское отделение разместилось в нескольких сотнях метров от станции. Минут через сорок после неприятного происшествия в электричке дверь отделения распахнулась, и на крыльце показались Степка с Рубеном. Однако Морриса рядом с ними не наблюдалось. Еще раньше на все четыре стороны были отпущены «пострадавший» гражданин Васильев и «главная свидетельница» Аблизьянова. Васильев, к удивле-

нию Степки, решительно отрицал все, что возвела на них недобрая старушка из электрички: и то, что его «уложил» Моррис, и саму драку вообще. «Сам не помню, что со мной сделалось. Стали мы с мужиками дискутировать, обычное дело... вагонные споры, сами знаете... а потом я разволновался, голова у меня кругом пошла. Вот я и упал. Пришел в себя, а тут вы», — так пояснял случившееся с ним Васильев.

Степка подозревал, что здесь не обошлось без гипнотических ухищрений Рубена. Но одно ему было совершенно непонятно: почему Рубен даже пальцем не пошевелил, чтобы вытащить Морриса из рук полицейских. По всему выходило, что никаких улик против него не имелось.

— Как же ты мог!? — закричал Степка на Рубена, едва только они вышли на крыльцо. — Как ты мог оставить Морриса! Он же папин друг. Он нам помогать вызвался.

— Если не понимаешь чего-то — лучше помолчи, — огрызнулся Рубен.

— Да что ж тут понимать!

— Слушай внимательно, мальчик! И не перебивай. Рубен знает, что делает. Это раз. Не думай, что возможности Рубена безграничны. Это два. И, наконец, три. Если бы нас тоже взяли, кто бы твоего папку выручать стал? И еще... это уже будет четыре. Нам сейчас Моррис важнее арестованный, чем на свободе. Дом в Торфяновке мы теперь и без него найдем. А вот то, что его в отделении придержали, — для нас огромный козырь.

— В чем же это козырь?

— Скоро сам увидишь.

Они уставились в расписание электричек на платформе.

— Вот и отлично, — сказал Рубен. — Через пять минут наша...

Торфяновка была всего в двух станциях от злополучной Живаговки, где они сейчас находились.

— Знаешь что, Рубен. Я никуда не поеду, — сказал вдруг Степка.

— Это с чего вдруг?

— Я здесь останусь, буду ждать, когда Морриса отпустят. Я не могу его там одного оставить. Так нельзя. А ты съезди в Торфяновку и возвращайся скорее. А я тебя лучше здесь где-нибудь подожду.

— Знаешь что, Степка, — произнес после небольшого молчания Рубен. — Хотелось бы тебя отругать, но вместо этого приходится только похвалить. Ты прав: друзей бросать нельзя ни в прямом, ни в переносном смысле. Оставайся. Только уговор: ты тут сидишь и никуда не уходишь до возвращения Рубена.

Степка посадил Рубена на электричку, помахал ему, как положено, рукой и вернулся к месту заточения Морриса. Он устроился на скамейке на детской площадке — так, чтобы был виден вход в полицейское отделение. Первым делом Степка отправил эсмэску маме, в которой сообщал, что дела его идут хорошо и цветы он полил. Время от времени он поднимал глаза, чтобы не пропустить ни одного человека, который входил или выходил из отделения. Вот куда-то отправились высокий и маленький полицейские. Сели в машину.

— Дожидаешься кого-то? — спросил Степку присевший рядом дедок с мохнатыми бровями выгуливавший внука — маленького кривоногого озорника, на глазах у Степки изгнавшего остальных детей из песочницы.

— Дожидаюсь, — невесело подтвердил Степка.

— Папку?

— Нет, папкиного друга.

— А папа-то жив у тебя?

— Жив, только он не здесь. В Торфяновке он...

— У сектантов, что ль? — оживился дедок.

— Можно и так сказать, — Степке совсем не хотелось называть папу и его товарищей «сектантами».

— Ну тогда, парень: пиши пропало.

— Это почему же?

— Не выпускай того человека, которого ты дожидаясь. Скорее рак на горе свистнет. У них, местных милицейских, свои счета с этими сидельцами. В позапрошлом году начальник Живаговского отделения в секту эту перешел со всеми потрохами. До сих пор в Торфяновке находится. Вот они, — дедок кивнул в сторону отделения, — зуб на этих сектантов и имеют. Ждут только приказа, когда можно будет их всех распатронить. А приказ все не поступает.

— Ничего себе, — подивился Степка. — Как же это у них получилось полицейского, да еще начальника, к себе заманить?

— Да очень просто. История эта известная. Тут всякий тебе ее расскажет. Как сняли с поезда одного подозрительного — сразу отвели к ним, — дедок опять кивнул в сторону отделения. — Ну, этот начальник... Фамилия у него фруктовая такая... Грушин, кажется. Он с ним стал беседы по всем правилам проводить. Побеседовал раз, побеседовал два. И потом вместе с этим сектантом и пропал в неизвестном направлении. Как корова языком слизнула. По телевизору даже показывали. Журналисты сюда слетелись, как мухи. Всю площадку окурками заплевали, изуверы. На скамейке неприличные слова написали, в том числе про полицию. В общем, много зла нам принесли и этого еще... как его... черного пиару. Так вот, о чем это я... Когда узнали, что он в секте, хотели его вытащить, но куда там. Давайте, этот Грушин говорит, лучше сами сюда переходите всем отделением. Здесь, говорит, люди больно хорошие. Не стану их покидать.

— А почему они не освободили своего товарища? У них же оружие имеется...

— Говорят, — дедок оглянулся по сторонам и перешел на шепот, — у сидельцев этих торфяновских в Москве покровитель какой-то имеется. Большой, сказывают, человек. Потому и боятся трогать этих сектантов. Только так, помаленьку щиплют их, где могут.

— Так что же, этот большой человек, о котором вы говорите, тоже... морганист?

— Нет уж, — махнул рукой дедок. — Сдается мне, что тут политикой вовсю пахнет. Так умные люди тоже говорят. Этих сидельцев вроде как специально про черный день держат. Если в Котлове чего не так будет, не по-ихнему то есть, они там в Москве скажут: «Вот котловцы, шукины дети, проморгали беду. Тут у них под боком бандитское гнездо, а они тревогу не били, в благодушии пребывали». Политикой это у них все называется.

Степка не сильно разбирался в политике, но одну вещь он понял хорошо: Морриса просто так не отпустят. Зря он тогда на Рубена налетел. Тут никакой гипноз не поможет, тут, как говорит сам Рубен, надо с умом действовать.

Степка поблагодарил дедка за ценные сведения и поднялся со скамейки. Он сделал несколько кругов вокруг отделения, прежде чем войти внутрь.

Баш на баш

— Тебе кого, мальчик? — спросил дежурный с родинкой под носом.

— Мне бы того дяденьку в пиджаке, который только что нас отпустил.

— Капитана Зубова?.. Сейчас.

— А-а, старый знакомый, — произнес возникший в коридоре Зубов, темноволосый мужчина неопределенного возраста с маленьким ртом.

— Я к вам по делу, — сурово произнес Степка.

— Если ты пришел просить за задержанного Хамидова, то я уже все объяснил твоему отцу.

Во избежание лишних вопросов Рубен выдавал себя за отца Степки — Уринсона-старшего.

— Я сказал твоему папе, что ваш приятель задержан до выяснения всех обстоятельств, — продолжал капитан Зубов.

— А я уже сам все обстоятельства выяснил, — отвечал Степка.

Зубов недоверчиво смотрел на Степку.

— Ну, ладно. Заходи, — капитан скрылся в дверях кабинета.

— Я тут навел справки, — начал Степка, присев напротив Зубова с другой стороны старого деревянного стола, — и понял, что все дело в Грушине. Надеюсь, эта фамилия вам знакома. — Степка внимательно следил за выражением лица капитана. Но у того ни один мускул на лице не дрогнул.

— Нет, не знакома, — спокойно отвечал капитан Зубов.

— Ну, как же! Тот, который в Торфяновке сейчас.

— Так вот ты о чем, — усмехнулся Зубов. — Ты майора Яблокова имеешь в виду?

— Да, его, — нашелся Степка. Он сразу смекнул, что дедушка, просветивший его на детской площадке, немного исказил фруктовую фамилию майора. — Я знаю о случившейся с ним неприятности, — продолжал скороговоркой Степка.

— Та-а-ак, — протянул Зубов, постукивая костяшками пальцев по столу. — А что еще тебе, братец, известно?

— Больше ничего, — отвечал Степка. — И не смотрите на меня так, пожалуйста. Я Яблокова вашего в глаза не видел.

— Откуда ж ты все это знаешь?

— Люди говорят. История известная.

— Допустим. И что дальше?

— Так вот, я что хотел сказать. У меня к вам деловое предложение. Давайте сделаем «баш на баш». Вы отпускаете Морриса. А мы помогаем вам вытащить вашего Яблокова.

— Что ж ты думаешь, мы тут ничего не делали, чтоб его оттуда освободить? — в вопросе Зубова перемешались обида и ирония.

— Я ничего такого не говорил. Я вообще не понимаю, зачем вы хотите вытащить этого Яблокова. Он же добровольно туда ушел.

— Мал ты еще, чтобы понимать, — с обидой сказал Зубов. — Может, ему мозги там сектанты запудрили. Зазомбировали его, может быть. Это раз. А во-вторых, честь мундира. Над нами тут все смеются вокруг. Никакого уважения к полиции нет. И мы сделали все, что было в наших силах, чтобы спасти его. Как же ты, мальчишка, можешь справиться с этим делом? Не морочь мне голову!

— Я не морочу, — Степка испугался, что Зубов сейчас прогонит его. — Просто Моррис знает папу....

— Какого такого папу?! — насторожился Зубов и приподнялся на стуле. Глаза его загорелись.

Тут Степка понял, что совершил чудовищную ошибку.

— Ну, это... замаялся он. — Вы что, не знаете? — спросил он, пытаясь выиграть время.

— Чего мы не знаем? — наседали Зубов.

— Они же... ну морганисты эти... самого главного своего папой называют. Ну, как... это... папу римского. Вы что, не знаете?

— Знаем, — злорадно проговорил капитан Зубов. — Знаем, что никаким папой его не называют. Постой-постой, — казалось, Зубов вспомнил что-то крайне важное. Он распахнул верхний ящик своего стола и стал ковыряться там, что-то непрерывно бормоча. Степка различал только отдельные слова: «похож», «как я не догадался», «дурак»,

«папа». Наконец он нашел то, что искал. Это была пухлая белая папка, на которой было написано «Дело №...». Никакого номера на «Деле» не стояло.

В папке оказались какие-то бумаги и фотографии. Одна из них приковала взгляд капитана Зубова. Он метал быстрые взгляды то на фотографию, то на Степку.

— Теперь все ясно, — ликуя, произнес Зубов. — Ты — Степка Кукушкин!

Степка попытался что-то сказать, но капитан Зубов перебил его:

— Не надо ничего говорить. Я больше тебе не поверю. Хотя нет. Скажи, кто тогда этот, с черными усиками?

— Это Рубен, — сказал Степка. Он не знал, что ему делать. Если он скажет, что это папин друг, это будет снова неправдой, если расскажет все, как было на самом деле, — Зубов не поверит ни одному его слову.

— Дядя Зубов... — начал Степка и запнулся. — Я правда не знаю, что вам сказать. Я пока не могу открыть вам всего. Но прошу вас, поверьте мне. Да, я не сказал вам, что мой папа — Морган Иванович Кукушкин. Но если бы я это сказал, вы бы арестовали меня, а мне нельзя быть арестованным.

— Конечно, — согласился Зубов, — никто не любит, когда их арестовывают. Даже самые злейшие бандиты.

— Нет, — сказал Степка, чуть не плача. — Тут дело в другом. Если бы вы меня арестовали, я бы не смог спасти папу. Мы, то есть я, дядя Моррис и Рубен, ехали в Торфяновку как раз за этим.

Зубов внимательно смотрел на Степку.

— Ну-ну, только не надо плакать, — снисходительно произнес Зубов. — Допустим, я поверил тебе. Но где гарантии, что ты не засланный казачок?

— Никакой я не казачок, — обиженно отвечал Степка. — Я только помочь хотел. У нас с вами общая цель. Вам нужен Яблоков, а мне папа. Вы же хороший человек, дядя Зубов. Я вижу, что вы очень старательно делаете свою работу. Во всем хотите разобраться, дойти до самой сути.

— Как ты сказал? До самой сути?! — лицо Зубова сделалось вдруг добрым, даже нежным. Что-то вроде улыбки раздвинуло границы его маленького рта. — Пастернака любишь?

Степка ничего не слышал о Пастернаке, они еще не проходили его в школе, но, наблюдая за изменениями на лице Зубова, на всякий случай согласился. Тогда капитан вскочил с места и стал шагать по кабинету, декламируя и размахивая при этом правой рукой:

Во всем мне хочется дойти
До самой сути.
В работе, в поисках пути,
В сердечной смуте.
До сущности протекших дней,
До их причины,
До оснований, до корней,
До сердцевины...

— Зачетные стихи, — сказал Степка. — А вы, капитан Зубов, молодец. Я сам без подглядывания в телефон стихи не могу наизусть прочесть.

— Профессиональная память, — с гордостью произнес Зубов. — Я однажды взял и подумал: раз моя память так натренирована, то почему бы мне стихи не учить? Не только же биографии разных преступников в голове держать.

Затем он высунулся в коридор и крикнул бодрым голосом:

— Старшина Иванов, приведите сюда гражданина Хамидова. С вещами.

Обитель Добра

У Морриса с собой, впрочем, никаких вещей не имелось. Им и неоткуда было взяться. Как говорится: «Пришел в мир нагим и ушел из него в аналогичном состоянии». Хотя это было сказано в другое время и по иному поводу, но вполне относилось к Моррису Нафиковичу Хамидову. Исключение составлял разве что старый мобильный телефон, который у Морриса в полиции по неизвестной причине не изъяли.

— А где Рубен? — был первый вопрос Морриса на свободе.

— В Торфяновку уехал, — отвечал Степка.

— Так это ты, значит, меня из плена освободил? — удивленно спросил Моррис.

Степка скромно опустил глаза.

— Во даешь, парень. Тебе адвокатом идти надо. Без хлеба с маслом не останешься... Ну что, давай тоже в Торфяновку махнем.

— А вдруг мы разминемся с Рубеном? У него же ни телефона, ни Интернета, — Степка хорошо помнил слова Рубена о том, что ему никуда не следовало уходить.

— Сейчас поглядим, — Моррис вытащил из кармана плаща свой допотопный телефон и, уточнив, который час, взялся изучать расписание электричек. — Значится так, разминуться у нас с ним никак не выйдет. Ближайшая электричка из Торфяновки прибудет сюда через час с небольшим. А наша электричка на Торфяновку отбывает через десять минут. Так что мы его либо на станции поймаем, либо в самом поселке.

— Дядя Моррис, может, все-таки останемся, — продолжал сомневаться Степка. — А вдруг что-то не так пойдет.

— Давай-ка, друг Степка, не будем испытывать судьбу и поедем подальше от этой мерзопакостной Живаговки, — сказал Моррис. — А то, не ровен час, опять меня повяжут. Кто знает, что им в голову взбредет? Может, у них план по задержаниям, пес их знает. Отпустили, потом опять поймают для улучшения статистики.

Степка и сам хотел ехать в Торфяновку. К тому же Зубов отпустил Морриса под его, Степкино, честное слово. А он обещал привезти Яблокова. Значит, на одной чаше весов лежал наказ Рубена, на другой — риск снова потерять Морриса и слово, данное Зубову.

— Рубен ведь меня одного имел в виду, он же не знал, что я освобожу Морриса, — рассуждал Степка. — Ну и, наконец, если они с Моррисом потеряются, Рубену стоит лишь вздремнуть, и во сне ему сообщат наши точные координаты.

— Ну что, едем? — прервал размышления Степки Моррис.

— Едем, — вздохнув, отвечал Степка.

Но на станции Торфяновка Рубена или чего-нибудь напоминавшего Рубена не оказалось. Моррис со Степкой заглянули в зал ожидания, затем — в станционный буфет и даже промаялись без толку некоторое время у общественного туалета. Не повстречали они Рубена и по дороге к «штабу» морганистов. «Штаб» находился в самом конце улицы, которая вилась, как использованная зубная нить, от самой станции. Улица эта так и называлась: Привокзальная. Дорога оказалась не самой подходящей для передвижения в пешем виде. Тут гражданин Васильев не согрешил против истины. Моррис оступился два раза, Степка — целых три. По пути им несколько раз попадались женщины с ведрами. И каждый раз, когда это происходило, Моррис поспешно хватал Степку за рукав и тянул, как старую неповоротливую лошадь, в сторону.

— Примета такая существует, — пояснил Моррис. — Если ба... женщина с пустым ведром поперек тебя прошла — жди, значит, беды.

Другой дороги до «штаба» не было, и потому они выжидали, пока кто-нибудь не пройдет перед ними. А женщины, как назло, все больше ходили поперек улицы, а не вдоль. И все больше с пустыми ведрами.

— Дядя Моррис, а может такое быть, что примета не сработает? — Степку начинали злить эти постоянные остановки.

— Может, и не сработает, — отвечал Моррис. — А может, и сработает. Что тут гадать? Мы тут с тобой на такое дело серьезное подписались, зачем же судьбу искушать. Как есть говорю тебе. Знаешь поговорку: «Тише едешь — дальше будешь»?

Степка вздохнул. Искушать судьбу ему не хотелось. К счастью, ближе к «штабу» женщины с пустыми ведрами перестали попадаться.

— Это здесь, — произнес Моррис, остановившись у высокого деревянного забора. Степка сразу узнал этот частокол, вспомнив ролик, который они смотрели в электричке.

— Странно, но где же тогда Рубен? Мы никак не могли с ним разминуться, — подумал вслух Моррис.

— Может, он внутри? — предположил Степка.

— Не-е-е, — протянул Моррис. — Говорю же: они никого к себе не допускают.

Степка стал внимательно изучать на совесть срубленный бревенчатый частокол. Ворота, если их распахнуть, широкие, но едва ли их часто раскрывают. Сбоку имеется небольшая дверца, сделанная, как видно, с умыслом, чтобы входящий, если он только не младенец, нагibalся. Звонка у них, конечно, нет. Степка посмотрел на Морриса и постучал в дверь.

— Как ты неугомонный, чай мне в ноги! Ну, кто же так стучит?! — Моррис легонько отодвинул Степку и принялся настойчиво лупить руками, а затем и ногами по маленькой двери.

— Что вам нужно? — вдруг раздался тихий, но твердый голос. Казалось, что говоривший находится не по ту сторону непроницаемого забора, а стоит, невидимый, рядом с ними.

— Добрый день. Меня зовут Моррис. Моррис Хамидов. Я, значит, был другом вашего руководителя... Моргана... Вы просто передайте ему, что Моррис пришел. Он сообразит, кто я. И здесь со мною сын его, Степка.

Дверь в воротах медленно приоткрылась.

— Заходите, — произнес все тот же голос. Говорившего по-прежнему не было видно. — Ну что же вы стоите? Или вы передумали?

— Нет, не передумали, — поспешно отвечал Степка.

— Тогда проходите. Но будьте готовы выполнять все, что вам говорят. Это для вашей же безопасности.

Моррис со Степкой снова переглянулись. Степка сразу увидел, что Моррис сомневается. Но если они не сделают этого сейчас, то когда еще получится проникнуть в «штаб»? Сам же Моррис утверждал, что они никого не пускают, а тут взяли и дверь открыли, приглашают внутрь. Да и Рубен, скорее всего, там, за забором. Где ему еще быть?.. Все эти мысли промчались в голове Степки со скоростью, на которую только способна мысль в голове не самого глупого тринадцатилетнего мальчишки.

— Мы согласны! — закричал Степка, затем зажмурился и, пригнувшись, быстро нырнул во все еще открытую дверь. Моррис хотел что-то сказать, но было уже поздно. Ему ничего не оставалось, как последовать за мальчиком.

Оказавшись по ту сторону забора, Степка уткнулся в огромный бесформенный живот, принадлежавший бородатому субъекту в белой длинной одежде. В руках у него была то ли траурная лента, то ли просто кусок черной ткани. Рядом с ним находился еще один белый бородач, не уступавший своему собрату в габаритах.

— Нужно надеть повязку, — сказал пузатый и завязал Степке глаза. От повязки пахло какой-то неизвестной травой, и она немного щипала глаза.

— Подними руки, — приказал пузатый.

Степка повиновался. Его никогда раньше не обыскивали, и все происходившее вызывало у него чувство, где страх был крепко перемешан с любопытством.

— Телефоны и прочие непозволительные предметы придется временно изъять, — продолжал распоряжаться пузатый. — И рюкзак тоже.

— А вы их потом вернете? — спросил Степка.

— Если решишь покинуть Обитель Добра, то вернем, — прозвучало ему в ответ.

— Дядя Моррис, вы здесь? — прошептал Степка.

— Здесь, — невесело отозвался Моррис. Ему, видимо, тоже надевали повязку.

— Не переговариваться, — скомандовал голос пузатого. Вслед за тем говоривший или кто-то иной взял Степку за руку. Рука оказалась большой и влажной, как шляпка старого масленка после обильного дождя. Степка поморщился. Он ненавидел влажные ладони. Его просто тошнило от них. У них в классе такие же ладони были у Мишки Кукишева. Из-за этого недостатка с ним никто не хотел здороваться за руку. Но тут выбирать не приходилось.

Они передвигались по чему-то мягкому, но затруднявшему быстрый шаг... Степка шел по-петушиному, боясь оступиться, и считал собственные шаги. Так делал герой в одном старом фильме, название которого выскочило у Степки из головы. Сорок семь. Сорок восемь. Вот его вводят в какой-то дом. Это, наверное, и есть «штаб». У входа мокрорукий взял Степку за плечи.

— Осторожнее, сейчас будет лестница. Поддерживая его за плечи, мокрорукий велел Степке спускаться вниз по узкой лестнице со скользкими ступеньками. Сам же шел следом, не выпуская Степкины плечи и тяжело дыша ему в спину. Когда лестница закончилась, кто-то, видать все тот же человек, пригнул ему голову. Запахло чем-то кислым. Только сейчас глазам его позволено было смотреть. Рядом Степка увидел Морриса, тоже без повязки.

— Вам надо побыть здесь. Скоро к вам придут, — объявил мокрорукий и отступил назад. Он быстро согнулся и вышел. Дверь за ним затворилась.

Рыжий

Комнату, в которой заперли Степку с Моррисом, нельзя было назвать большой. Но и маленькой она тоже не была. Окон в ней, правда, не имелось, но стены были выкрашены в приятный светло-зеленый свет. Вверху на длинном проводе висела маленькая лампочка. Вдоль стен и на полках выстроились банки с малосольными огурцами, помидорами, солеными грибами и прочими заготовками, которые принято именовать домашними. Из мебели в комнате, если не считать полоч, имелась только железная кровать на колесиках.

— Если мы и померем здесь, то однозначно не от голода, — попытался приободрить Степку Моррис.

— Зато умрем от жажды, — отвечал Степка, прохаживаясь по комнате. — Вы это... дядя Моррис, простите меня, пожалуйста, что я... — виновато пролепетал Степка. — Я просто подумал, что раз уж они открыли дверь, это шанс.

— Шанс, — передразнил Моррис. — Ты меня, значит, из отделения вытащил, выходит, лишь для того, чтобы сюда, в эту кладовую солнца, посадить... Ладно, шучу. Только кто нас с тобой теперь отсюда вытащит?

— Рубен.

— Да где теперь твой Рубен... Небось тоже где-нибудь тут сидит. Может, даже через стенку.

Но порассуждать о том, где может находиться Рубен, им не пришлось. В двери зашевелился ключ. В комнату, пригнувшись почти вдвое, вошел высокий человек в белых одеждах, которого Степка с Моррисом прежде не видели. На голове его была белая круглая шапочка, из-под которой выбивались светлые рыжие волосы до плеч.

Его косматые брови и борода были не такие светлые, но тоже оранжевого цвета. Все лицо незнакомца было усыпано веснушками.

— Что здесь такое происходит, гражданин в белой одежде? Если мы арестованные, так объявите нам наши права. Я требую уважать Конституцию, — подступил к вошедшему Моррис.

— Я полагал, что интеллигентные люди, когда приходят в гости, начинают разговор с приветствия, — отвечал рыжий высоким голосом, который при сопоставлении с его ростом вызвал у Степки улыбку. Она не осталась незамеченной.

— Если вы не находите нужных слов от волнения, то могли хотя бы улыбнуться, как этот мальчик, — продолжал рыжий, кивая в сторону Степки.

— В гости приходят добровольно, а не с завязанными глазами и под конвоем, — парировал Моррис.

— Как?! — рыжий изобразил изумление на лице. — Разве вы оба не по собственной воле пришли сюда? Или я что-то путаю? Может быть, мы вас выкрали и насильно привезли? Вы сами приехали, сами постучали в дверь. Настойчиво постучали, надо сказать. Разве не так?

— Так-то оно так, только мы надеялись на более ласковый прием, — подхватил Моррис.

— Ну, уж простите, — развел руками рыжий. — Нам сейчас не до торжественных встреч.

— А что у вас стряслось? Незапланированный конец света?

— Напрасно вы тут упражняетесь в остроумии, — сказал рыжий. — Как говорится, хорошо смеется тот, кто смеется последним. У нас действительно сейчас трудности.

— Ну, раз так — расскажите, в чем дело, — сказал Моррис. — Может, совет добрый подкинем. Мы насчет того, чтобы советы давать, мастаки. А вы нас за это выпустите. Ну, так что у вас стряслось?

— А вы не догадываетесь?

— Нет. Ни сном ни духом, — отвечал Моррис.

Рыжий внимательно изучал кислую физиономию Морриса. А Степка в это время изучал лицо рыжего.

«Какие страшные у него зеленые глаза, — подумал Степка. — Как у Маруськи». Маруськой звали кошку, которая обитала при их школе и была в фаворе у директрисы. Кошка иногда от скуки или вредности гадила в обувь школьников, но трогать ее категорически запрещалось.

— Ну что ж. Будем считать, что я вам поверил, — произнес рыжий. — У нас похитили нашего Великого Учителя.

Степка сразу смекнул, что речь идет о его отце.

— Папку? Кто его похитил?

— Я думаю, что об этом лучше вас спросить.

— Мы ничего не знаем, я клянусь вам. Морган Иванович Кукушкин — мой папа. Расскажите нам, пожалуйста, все, что знаете.

Рыжий поглядел на Степку. Взгляд его излучал тоску и недоверие.

— Ну, хорошо. Сегодня днем, часа два назад к нам вот точно так же постучался мужчина. Зализанный такой. С черными усами. Мерзавчик, словом.

— Рубен, — прошептал Степка.

— Да, он представился этим именем, — продолжал рыжий. — Мы не хотели его пускать, но он был очень настойчив и очень убедителен. Он сообщил, что двое братьев, которые ехали, чтобы присоединиться к нам, были захвачены силами зла на станции Живаговка. Мы сообщили об этом Великому Учителю. Весть о пришельце взволнова-

ла его, и Великий Учитель изволил принять этого гостя, — слово «гость» рыжий произнес с нескрываемой ненавистью. — А потом... оба они куда-то исчезли. Теперь я понимаю, что это все было заранее подстроено. Но Господь великодушен и милостив. Он не допустил нашего окончательного посярмления. Вот поэтому вы теперь здесь, с нами.

— Все это жутко интересно, — сказал Моррис, — но я своим кривым умишком не могу взять в толк: какое все это имеет отношение к нам со Степкой?

— Самое прямое. Ведь этот черноусый из вашей компании? Не так ли?

Степка и Моррис молчали.

— Если у вас нет больше вопросов ко мне, то я, с вашего позволения, вас покину, — рыжий сделал шаг к двери. Дверь распахнулась, он пригнулся у самого порога, но тут Моррис, до этого стоявший у стены, задрожал всем телом, затем издал какой-то стон и через мгновение оказался на спине у рыжего. Оба повалились на пол. Моррис сразу оказался сверху и замахнулся на своего поверженного тюремщика. Но кулак его не достиг цели. В комнату ввалились двое в белых одеждах и, отвесив Моррису несколько оплеух, оттащили его в сторону. Следом они подняли на ноги рыжего и вышли по очереди из комнаты. Дверь с шумом захлопнулась.

Степка подошел к Моррису. Тот сидел на полу и потирал запястье на правой руке.

— Как вы, дядя Моррис?

— Лучше всех, — отвечал тот. — Сегодня у меня не выходной, а праздник какой-то. Еще вечер не наступил, а я уже два раза подрался и два раза угодил за решетку.

— Я надеюсь, третьего раза не будет, — сказал Степка.

— Ты, мальчик, оптимист. Еще не вечер, — сказал Моррис и запел: — «Еще не вечер, еще не вечер, еще в запасе время есть у нас с тобой...»

«Какой же я все-таки идиот, — думал Степка. — Не послушался Рубена. А они нас с папой там ищут в этой Живаговке. Как же глупо все вышло! Получается, мы поменялись местами с папой. Но главное, папка отсюда вырвался. И Рубен на свободе. А Рубен, он что-нибудь обязательно придумает».

— Давай, что ли, грибочками или огурчиками полакомимся, — предложил Моррис, закончив петь.

— Так у нас открывашки или консервного ножа нет.

— Это не проблема. Учись, студент, — Моррис пошарил глазами вокруг, затем махнул рукой и накинул на банку свой коричневый плащ, покоившийся до этого на кровати. Затем нацелил локоть правой руки на место, где предположительно находилась крышка. Степка с интересом наблюдал за действиями Морриса. А Моррис, не обращая на своего единственного зрителя никакого внимания, приподнял руку и быстро опустил локоть на крышку. После того как плащ был снят, крышка легко поддалась и была отделена от банки без малейших усилий.

— Сначала я попробую, вдруг отравленные, — объявил Моррис и запустил свои изогнутые пальцы в банку. Он извлек несколько скользких, норовивших выскользнуть обратно в банку грибков и направил в рот. — Знатные грибы! Белые грузди, если я не ошибаюсь. Я таких вкусных сроду не ел. Хоть что-то хорошее у них есть.

— А пить что будем? — поинтересовался Степка.

— Как что? Вот же огурцы стоят. Их тут до дури. Рассол в нашем деле — самое лучшее питье, — сказав это, Моррис накинул на банку с огурцами свой волшебный плащ.

Степка тоже попробовал несколько грибков. Затем хлебнул рассола из наклоненной Моррисом банки и тут же отскочил в сторону, чтобы избавиться от противной кислотности во рту.

А Моррис, наполнив желудок грибами с огурцами, подошел к кровати на колесиках и, сбросив стоптанные полуботинки, вытянулся на ней. Кровать ухнула, но Морриса приняла.

— Времени у нас много, так что я, с твоего соизволения, вздремну чуток, — сказал он. — Захочешь спать — толкни меня. А то вдвоем тут не развернуться никак. Будем, значит, посменно спать.

Вскоре Степка услышал храп Морриса, вытеснивший за пределы их камеры мрачное безмолвие заточения.

Сбывшиеся пророчества

Спать Степке совсем не хотелось. Который сейчас, интересно, час? Как же мерзко без телефона. А вдруг мама позвонит? Ей же нельзя волноваться. Хорошо, он догадался отправить ей эсмэску, пока сидел в Живаговке на скамейке. Смешно, конечно, все получилось. Папка там, на воле, а они здесь. Баш на баш, только вышло все совсем не так, как он хотел.

Степка вспомнил историю, которую они проходили в школе. Кажется, у древних греков враги захватили в плен одного мальчика, и его папа предложил себя вместо него. А здесь вышло все наоборот. Он спас папу и оказался вместо него в темнице. Степка с завистью и умилением посмотрел на Морриса. Тот продолжал выводить во сне носом свою невыносимую музыку, словно находился не в заточении, а у себя дома.

Страшно хотелось пить, но ничего, кроме рассола, не было. Преодолев отвращение, Степка заставил себя сделать несколько глотков из открытой Моррисом банки.

— Так где же сейчас Рубен? — рассуждал Степка. — Рубен был здесь два часа назад. Значит, он приехал почти сразу после того, как они с Моррисом пошли на станцию... Добирались они до «штаба» почти час. Если бы не Моррис с его приметам, то пришли бы минут на двадцать раньше. Хотя... это даже хорошо. Если бы не Моррис, они бы оказались в этой камере на двадцать минут раньше... Что бы я стал делать на месте Рубена? Остался бы ждать нас в Живаговке?.. Нет, это глупо. Я бы узнал в полиции, куда мы ушли и когда. И поехал бы снова сюда... Но, конечно, без папы. А кому оставить папу?.. Папу оставить в полиции под надежным присмотром. Значит... значит, Рубен уже должен быть в Торфяновке.

И только Степка подумал об этом, как уши его уловили едва различимый шум, который все нарастал. Это был шум человеческих голосов. Как будто одновременно говорили несколько людей. Наконец задвигался ключ в замке. Затем ключ извлекли, но дверь не сразу открылась.

Первое, что увидел Степка, была физиономия Рубена. Он подмигнул Степке и изобразил на лице какую-то гримасу, искривив одновременно глаза и губы. Затем показали его лапы. В одной Рубен держал какую-то горящую бумажку. Только присмотревшись, Степка понял, что эта радужная бумажка, охваченная пламенем, — пяти тысячная купюра.

Кряхтя и причитая, Рубен втащил в камеру свое тело. За ним показался пузатый бородач в белых одеждах, которого Степка прозвал мокрорукиком. Третьим вошел Зубов. Но одет он был в какие-то лохмотья грязно-серого цвета, отдаленно напоминавшие изношенный тренировочный костюм. За ним следовал еще один бородач в белом. Это был второй привратник, который завязывал глаза Моррису

— Мы за вами, дорогие братья! — закричал Рубен. — Пророчество Великого Учителя исполнилось. Все признаки освобождения человечества налицо.

Вдруг Зубов широко расставил ноги, задрал подбородок кверху и жутко завыл. Степка от страха отскочил в сторону.

Моррис, выпучив глаза, глядел то на Зубова, то на Рубена.

— Что-то мы, кажись, грибков переели, — пробормотал наконец он и принялся тереть глаза.

— Нет, это не сон, братья, — продолжал Рубен. — Хотя непосвященному это может показаться и сном. Это исполнение великого пророчества. Теперь нельзя больше медлить, наверху все ждут вас.

— Рубен, а где...

Рубен быстро обнял Степку, и его вопрос утонул в густой шерсти.

— Следуйте за нами, — продолжал Рубен. — Дорогой брат Нафанаил, зажгите еще один факел из этих грязных бумажек, — с этими словами Рубен протянул мокрору-кому бородачу-привратнику радужную купюру.

Моррис вытарашил глаза и открыл рот, но Рубен сильно ущипнул его за бок, и рот Морриса сам собой закрылся.

Они стали выходить друг за дружкой, как пришли, — только в обратной последовательности. Первым вышел второй привратник. Последним, вслед за Моррисом и Степкой, покинул камеру Рубен.

На улице уже начинало темнеть. Но темнота смиренно отступала при виде большого числа людей в белых одеждах, плясавших и исполнявших какие-то песнопения. Степка увидел почти седого, среднего роста человека, также в белой одежде, окруженного толпой. Он стоял на небольшом помосте и хранил молчание, а столпившиеся вокруг него люди что-то беспрерывно кричали, то и дело воздевая руки к небу.

Степка сразу понял, что это был Морган Иванович Кукушин, его папа.

— Папа! — закричал Степка, продираясь сквозь толпу, к фигуре на помосте. Толпа покорно пропустила его. Степка взлетел на помост и угодил в раскрытые руки Моргана Ивановича. Толпа воодушевленно закричала. Вслед за Степкой к помосту пробился Моррис. Он подошел к Моргану Ивановичу, схватил его за плечи и потряс, как трясут старый картридж в офисах, чтобы продлить срок его жизни.

— Гутен Морген, — шептал Моррис, не зная, можно ли громогласно произносить это прозвище.

И тут Степка вдруг услышал жуткий вой. Это снова был Зубов. Степка прижался к папе. Он, сбиваясь, шептал какие-то слова, не умевшие соединиться в понятные человеческому уху предложения. Только лившиеся из глаз мальчика слезы могли отчасти объяснить значение того, что Степка пытался сказать.

Толпа заволновалась. К Зубову подскочили сразу несколько человек, подняли его на руки и стали качать. Степка со страхом наблюдал, как тело Зубова то появляется в воздухе, то срывается вниз, как созревший желудь с дуба. Продолжалось это несколько минут. Наконец капитана перестали подбрасывать. Он, пошатываясь, поднялся на помост, с которого уже успели сойти Степкин папа, сам Степка и Моррис. Распрявившись во весь рост, Зубов запрокинул голову и снова завыл. Но на этот раз Степке было уже не так страшно. Перестав выть, Зубов начал изображать какие-то движения, сначала медленно, как бы с лентой, а затем наращивая темп. Степка не сразу сообразил, что Зубов танцует. Танец капитана был встречен еще более восторженно, чем вой. Многие из зрителей даже старались подражать Зубову.

— Пора. Следуйте за Рубеном, — шепнул появившийся рядом со Степкой Рубен. — Сначала за ворота выйдете вы с Моррисом, потом Рубен с Великим... тьфу, Морганом Ивановичем.

— Рубен, а мой рюкзак? И телефон? Они забрали все, когда нас...

— Вот он, — Рубен протянул Степке рюкзак.

— А мой телефон? — спросил Моррис.

— В Степкином рюкзаке.

Большие ворота в Обитель Добра оказались открыты, и около них уже толпились любопытные, не решавшиеся, впрочем, войти.

Недалеко от ворот, в кустах, стояла полицейская «лада».

— Быстрее садитесь, Учитель, — прошептал Рубен. — Он распахнул заднюю дверцу, но Морган Иванович почему-то не спешил залезать в машину.

— Рубен, я обязательно приеду, — начал он, запинаясь и стараясь не глядеть на Степку. — Но сейчас, в такой момент... я не могу... Взять всех и бросить... Нехорошо... Нельзя...

— Папа, ты что же, остаешься?! — закричал Степка и крепко вцепился руку Моргану Ивановича.

Неизвестно, сколько бы он еще так простоял, но тут что-то тяжелое толкнуло Моргану Ивановича в спину, и он прямо-таки ввалился в автомобиль. Дверь за ним захлопнулась.

— Прыгай скорее с той стороны! — приказал Рубен Степке.

Морриса не нужно было просить. Он, придерживая свою тирольскую шляпу, плюхнулся на переднее сиденье рядом с водителем, пока Рубен возился с кнопкой блокировки задних дверей. Наконец машина сорвалась с места. Степка оглянулся и увидел, что несколько человек в белых одеждах устремились за ними с громкими и неясными криками. Но поспеть за автомобилем даже на разбитой торфяновской дороге они не могли...

— Вы уж простите Рубена, Морган Иванович. В институтах благородных девиц не обучался, — сказал Рубен, повернувшись к Степкиному папе, но тот ничего не ответил.

— Правильно сделал, Рубен, — одобрительно отозвался Моррис. — Если бы не ты, я бы сам Гутен Моргену вломил по полной.

— Не надо моему папе вламывать, — огрызнулся Степка и обнял Моргану Ивановича. — Он хороший.

— А кто же спорит? Хороший, — отозвался Моррис. — Только иногда и хорошим людям не мешает как следует вломить. Для профилактики, значит.

— Это устаревший метод, Моррис. Ты чудовищно отстал от жизни, — сказал Рубен. — Или тебе не хватило сегодня мордобития?

— А еще дядя Моррис сегодня рыжему этому классно вмазал, — радостно сообщил Степка. — Он у них самый злой был.

— Рыжему? — вступил в разговор Морган Иванович. — Это, что же, брату Велимиру?

— Не знаю, может, и Велимиру, он не представился, — отвечал за Степку Моррис.

— Рубен, а как же Зубов?! — вдруг спохватился Степка.

— За Зубова не переживай. Он парень битый. Если что, у него и оружие при себе имеется. Припугнуть может. Рубен вот вас сейчас отвезет и сразу за ним.

— Не знал, что он так классно танцует, — поделился Степка.

— А как воеет, — подхватил Моррис.

— Талант, одним словом, — подытожил Рубен.

«Лада» выбралась на шоссе и усилила скорость, обгоняя немногочисленные машины, двигавшиеся в сторону Котлова.

— Здорово все-таки, что мы на свободе, — сказал Степка. — Рубен, это ты все придумал?

— Не один Рубен, конечно. Рубен вместе с Зубовым придумал, — отвечал Рубен. — Если Морган Иванович позволит, я расскажу все с начала.

— Странно, что здесь кого-то интересует мое мнение, — отвечал Степкин папа. — Рассказывайте, Рубен. Народ должен знать правду.

Рубен сделал вид, что не почувствовал привкуса сказанных Морганом Ивановичем слов, и начал свой рассказ.

Рассказ Рубена

— Добраться до Торфяновки, — начал вдохновенно Рубен, — было пустяком. Отыскать «штаб» тоже. А вот дальше пришлось попотеть. Рубен постучал в ворота. Но, конечно же, никто не ждал Рубена. Никто не сказал: «Рубик, как славно, что ты пришел». Нет, никто так не сказал, и даже никто так не подумал. Никто Рубену двери не открыл. Но Рубен терпеливый. Он еще раз постучал. Потом еще. Наконец там, за забором, кто-то зашевелился. Рубен сразу догадался, что их там двое. Тогда Рубен сказал им, что у него есть важное дело до Великого Учителя. Они сказали: «Какое такое дело?» И Рубен рассказал им, что двух людей, двух очень хороших людей, стремившихся своими босыми душами и ступнями к ним, остановили на полпути к ним в «штаб» силы зла. И теперь эти хорошие люди томятся в полицейском отделении, и нужно освободить их. Но стражники отвечали Рубену, что на все воля Божья. Тогда Рубен сказал им по большому-большому секрету, что один из захваченных силами зла есть не кто иной, как сын Великого Учителя мальчик Степка. И если Великому Учителю станет известно, что они знали, но не сообщили об этой беде, ему это может не понравиться. А Великий Учитель, на то он и Великий, что рано или поздно сам все узнает.

— Ай, молодца! — цокнул языком Моррис.

— Они задумались, — продолжал Рубен, — и один удалился. Его долго не было. Но Рубен терпеливый. Рубен подождал. И дождался. Дверь открыли, Рубена пустили. Завязали глаза Рубену. Рубен им говорит: «Зачем закрывать глаза тому, кто и так узрел свет Истины?!» Они отвели Рубена к Великому Учителю. Рубен повернулся и посмотрел на Моргана Ивановича.

— Если по правде, то мне Рубен сначала не понравился, — сказал Морган Иванович. — Я принял его за жулика или тайного агента.

— Вы недалеко от истины, Морган Иванович, Рубен и в самом деле был тайным агентом... Степки, — оскалившись, отвечал Рубен.

— Он сказал, — продолжал Морган Иванович, — что не знает точно, во что мы веруем, но если кто-то попал в беду и, особенно, если это близкий человек, ему надо помочь. Так ведь Вы сказали, Рубен?

— Так точно, — подтвердил Рубен. — Рубен сказал, что у Моргана Ивановича слишком доброе сердце, и от этого он затосковал в Обители Зла. Но Морган Иванович был крепким орешком, — Рубен вновь с прищуром посмотрел на Степкиного папу.

— У меня защемило сердце при словах о Степке. Мне уже казалось, что я окончательно ушел из этого мира, чтобы уже никогда в него не возвращаться. Но Рубен смог подобрать нужные слова...

— Что же это за слова? — спросил Степка.

— Секрет фирмы, — отвечал Рубен и подмигнул Моргану Ивановичу. — Как-нибудь потом тебе папа сам расскажет. А дальше... дальше Рубен и Великий Учитель покинули Обитель Добра, чтобы спасти двух несчастных. По дороге до станции им, то есть нам, повстречался тот самый гражданин Васильев, друг нашего дорогого Морриса.

На физиономии Морриса появилось кислое выражение.

— И этот Васильев подвез Рубена и Моргана Ивановича на своей машине до самой Живаговки.

— Неужели ты его загипнотизировал? — спросил Моррис.

— Нет, никакого гипноза. Просто неплохой мужик этот гражданин Васильев оказался. Рубен обещал ему, как будет время, похлопотать насчет дороги и водопровода. Дорога у них, как видите, и в самом деле жуткая.

— Теперь понятно, почему мы не встретились, — сказал Степка. — А потом, что было потом?!

— Терпение, мой друг. А дальше... Приезжает Рубен с Морганом Ивановичем за этими несчастными. Подошли к отделению. Посмотрели направо, посмотрели налево. Нет нигде Степки. На станцию сходили — тоже нет. Тогда только в само отделение зашли. То есть Рубен зашел, а Морган Иванович снаружи остался. Рубен дежурного спрашивает: где тут у вас Моррис Хамидов такой? Нет, отвечает дежурный, никакого Морриса Хамидова. Отпустили его, а подробностей, мол, не знаю. Если, говорит, у вас вопросы есть, ждите капитана Зубова. А куда нам его ждать, время-то ждать не любит. Рубен тогда и говорит дежурному: послушай, уважаемый дежурный, не знаю, как тебя звать, ты позвони ему, своему капитану Зубову, и скажи, что вместе с Рубеном к нему пришел не просто Саша с Уралмаша, а Морган Кукушкин. Дежурный этот, как только услышал про Моргана Ивановича, завертелся, как медный змей в медном тазу. Позвонил, затараторил. Появляется наконец капитан Зубов. Морган Иванович хотел ретироваться, но Рубен его под белые ручки в отделение завел. Зубов счастливый такой. Улыбается. Что, спрашивает, сразу два папы Степки Кукушкина явились? Рад, мол, вас обоих видеть. Особенно же гражданина Кукушкина. Какими судьбами? Надолго ли? Я, говорит, не ожидал вас так скоро. А где Яблоков? — спрашивает. А Рубен ему в ответ: какой такой еще Яблоков-Мяблоков? Нам Морриса Хамидова надо и мальчика Степку. Тогда Зубов и говорит: нет у нас вашего мальчика. И Морриса вашего тоже нет. Освободил, говорит, я Морриса под честное слово вашего мальчика, что он мне Яблокова сюда доставит. И вот теперь ни мальчика, ни Яблокова. Что тут делать? Рубен огорчился. Про Моргана Ивановича и говорить нечего. Так все хорошо шло, и вот...

— Рубен, прости, что так вышло, — сказал Степка. — Так все получилось. Я подумал, раз Моррис свободен, что мы без дела будем сидеть, когда ты там один.

— Это я, дурья башка, во всем виноват. Сагитировал Степку в Торфяновку ехать, — вмешался Моррис. — Думал, что там мы нужнее будем, чем здесь. Да и, значит, опасался я малость, что опять эти, — Моррис посмотрел в сторону дежурного, — приберут меня к рукам. Спасибо Степке, вытащил меня отсюда.

— Благими намерениями выстлана дорога в то место, где вам лучше никогда не бывать, — отметил Рубен.

Степка не понял, что имел в виду Рубен, но Моррис сразу сообразил, на что он намекает, и спросил его в лоб:

— А ты, что ли, бывал там?

— Позволь, друг Моррис, этот интересный вопрос оставить без ответа, — нахмурившись, отвечал Рубен.

— Рубен, а что дальше-то было? Рассказывай! — потребовал Степка.

— Дальше... Дальше Рубен понял, что надо быстрее шевелить лапами, чтобы перехватить тебя и Морриса, пока вы там не накуролесили. Зубов предложил для надежности Моргана Ивановича в камере изолировать — от греха подальше. Но Рубен сказал, что достаточно с Моргана Ивановича слово взять, что он никуда не свинтит по дороге или на месте.

— И папа дал такое слово? — перебил Рубена Степка и с тревогой посмотрел на Моргана Ивановича.

— Дал, не сразу, но дал, — отвечал Рубен. — Пришлось немного поторопить его. Времени у нас было мало. Чтобы успеть вас спасти, нам требовался автомобиль. Гражданин Васильев к тому времени уже укатил, оставалось два варианта: такси, которое пришлось бы ждать из Котлова, и полицейская машина. Тогда Рубен коротко объяснил ситуацию капитану Зубову. Долго распинаться не пришлось. Зубов оказался сообразительным парнем, и машина была в нашем распоряжении. Но вы оказались все-

таки шустрее, чем Рубен думал. На станции вас не оказалось, на улице, которая до Обители Добра ведет, тоже. Куда пропали? Как в люк упали. Хорошо, тут бабулька — Всевидящее Око — очень кстати подвернулась. Видела, говорит, двух приезжих: мальчика «симпатишного» и мужчину, «не очень симпатишного». Они, говорит, туда ушли — и указывает на Обитель Добра. Стало понятно, что вы внутри. Что еще оставалось делать? Поехали обратно, в Живаговку. Вот, кстати, и она, — справа промелькнул указатель с названием поселка.

Рубен быстро домчал до хорошо знакомого всем пассажирам «лады» полицейского отделения.

— Приехали, — сказал Рубен. — Выгружайтесь.

— Привет, старшина Иванов! Принимай гостей, — обратился он к сидевшему у входа молодому человеку с родинкой под самым носом. — У меня к тебе просьба, дорогой: никуда не выпускай этих граждан, до нашего возвращения с капитаном Zubovым. При попытке к бегству стреляй без предупреждения.

— Слушаюсь, — улыбнулся старшина Иванов.

— Ты опять в Торфяновку, Рубен? — спросил Степка.

— В нее, родимую. Zubov-то, наверное, замучился там выплясывать.

— Рубен, послушай, а почему он так выл?

— Об этом после, — отвечал Рубен и вышел из отделения.

Секретная записка

— Нет, как хотите, а я не могу ждать, когда Рубен вернется и закончит историю, — заерзал Моррис. — Давай, Морган, расскажи, что там дальше было. Ты же был с ними все время.

— Я, к сожалению, не такой бойкий рассказчик, как Рубен, — осторожно возразил Морган Иванович.

— Ничего страшного, папа, давай расскажи, — поддержал Морриса Степка. — Думаю, Рубен не будет в обиде. Ему еще будет что рассказать, когда они с Zubovым вернуться. То, что Рубен непременно вернется и непременно с Zubovым, Степка не сомневался.

— Ну, хорошо, слушайте. На чем там Рубен остановился?..

— На том, как вы возвратились сюда, в отделение, — напомнил Степка.

— Да, точно. Пришлось вернуться с ними. Мы сели пить чай в этом же кабинете, а Рубен прилег в одной из пустых...не знаю, что это было, кажется, камера... так вот, лег он в этой комнате или камере подремать. Zubov на меня с вопросами накинулся и все записывал, что я говорю. Про Яблокова спрашивал, про то, как я пришел к просветлению. Стихи читал.

— Этого... Пастер... Пастер...? — пытался припомнить Степка.

— Да-да, Пастернака. Потом Рубен к нам присоединился. Счастливый такой заходит. Я так и не понял, когда он успел все придумать, если он спал. Да и спал он минут пять, не больше.

— Ему во сне все хорошие идеи приходят, как Менделееву, — сказал Степка.

— Ясно. Рубен стал рассказывать свой план. Это был настоящий сценарий приключенческого фильма. Меня удивило, что он неплохо знаком с нашим учением. Но некоторые вещи он, конечно, уяснить не мог. Ну, да ладно... То и дело он задавал мне вопросы. Особенно его интересовали две вещи, два признака Преображения Мира: появление у людей общего языка с животными и исчезновение денег. Вскоре я понял, почему он спрашивал именно об этом. Его план состоял в следующем. Он, Zubov и я отправляемся в Торфяновку и стучимся в ворота Обители Добра. Он предстанет перед всеми в своем настоящем облике. Я сначала не понял, что он имеет в виду. Тогда Рубен

чихнул и преобразился в какое-то лохматое чудовище — помесь медведя с зайцем. Не знаю, как у Зубова, у меня душа затрепетала.

— Да, я тоже чуть с Кондратием не повстречался, когда Рубен тогда в Торфяновке в камеру нашу вошел, — подхватил Морган.

— И вот в таком облике он должен был явить живое воплощение пророчества. Признаться, я не очень позитивно воспринял эту идею, но Рубен сказал, что это единственный способ помочь вам. Я спросил, не проще ли будет без всякого спектакля прийти и забрать Степку с Моррисом. Никто не посмеет удержать их, если они сами не того не хотят. Но Рубен сказал, что поменять намеченный план он не в силах. Что это вроде как приказ, спущенный ему со стороны начальства. А какого начальства, он нам не раскрыл.

— Нам тоже, — сказал Степка.

— Но я, кажется, понял, что он имел в виду. Я не могу это объяснить. Это... как бы сказать, не поддается разумному объяснению. Но я понял, что с ним лучше не спорить.

— Скажи проще: он тебя загипнотизировал, — сказал Моррис.

— Нет-нет. Это был не гипноз. Меня невозможно загипнотизировать. Я работал над этим долго... Это не гипноз. Я не могу объяснить, но я понял, что по-другому ни Рубен, ни я поступить не сможем. Это нельзя объяснить рационально, это мистический опыт. У Рубена он оказался богаче, чем у меня.

— Ну, ладно уж, мистик, — махнул рукой Моррис. — Что там дальше-то было?

— Рубен попросил Зубова снять пиджак и брюки и одеться во что-нибудь серое. Ему нужно было изображать волка.

— И Зубов согласился?!

— Представьте себе, да. У этого Рубена какая-то нечеловеческая сила убеждения.

— Это точно: нечеловеческая, — сказал Степка.

— В общем, Зубов отыскал какой-то тренировочный костюм. И Рубен проинструктировал его, как себя следует вести. Зубову нельзя было произносить ни слова на человеческом языке. Рубен обучил его выть по-волчьи. Как только он завыл, у меня сердце замерло. Если бы я не видел, что это Рубен, точно бы решил, что это натуральный волк. Но Зубов оказался способным учеником. В таком виде мы и отправились в Торфяновку. Вот, собственно, и все. А дальше вы уже все сами знаете.

— А как же вас в «штаб» всех троих пустили? — спросил Степка.

— Как же не пустить, — удивился Морган Иванович. — Они ждали меня. Увидев Рубена, брата Нафанаил и Рафаил от ужаса пали ниц. А когда Зубов стал выть, то тут они вскочили на ноги и разбежались. Так же реагировали все, кого мы встречали на пути. Один только брат Велимир не дрогнул. Он к нам год назад пришел, а до этого в полиции служил, начальником этого отделения.

— Так это тот самый Яблоков?! — воскликнул Степка.

— Он самый. Когда он к нам пришел, он сначала кроток был, а потом стал говорить, что все у нас не так. Дисциплины никакой нет. Словом, живем так, как будто не надеемся на исполнение пророчества. Я ему в ответ: «Что ж, ты, брат Велимир, суету создаешь? Независимо от того, будем мы что-то делать или не будем, Господь исполнит то, что предрешил. Нам же нужно просить о спасении неразумных, оставшихся за стенами Обители Добра и не принявших истину». Я видел нашу основную задачу в уходе от пакостей и свинцовых мерзостей жизни, в молитве за неуразумевших, а он хотел, чтобы мы... как бы это сказать... деятельно преобразовывали свою и чужую жизнь. В словах его была истина, но он был слишком строг с братьями и сестрами. Не все это понимали и принимали. Со временем у брата Велимира появились свои сторонники. Я почувствовал, что назревает смута, и предлагал братьям и сестрам передать руко-

водство общиной брату Велимиру. Сам же хотел удалиться на покой и жить как рядовой член общины. Если же смута будет продолжаться, то я готов был покинуть стены Обители и жить уединенно. Но большинство братьев и сестер уговорили меня не покидать Обитель в трудные времена и не оставлять их без руководства. Я остался...

— Мятущаяся душа интеллигента, — произнес Моррис, вложив в эти слова в равных долях сахар и перец. — А что случилось с Яблоковым? Он ведь не поверил Рубену?

— Рубен сказал, что в него вселился злой дух и его следует изолировать на время. И не давать никакой еды. Тогда дух выйдет. Братья Нафанаил и Рафаил отвели брата Велимира в его келейку и заперли там до поры.

— Двое из ларца, одинаковы с лица, — съязвил Моррис.

— А деньги? Почему вы деньги жгли? — спросил Степка.

— С деньгами отдельная история, — с усмешкой произнес Морган Иванович. — Это Зубов придумал. Когда Рубен стал расспрашивать меня о той части Великого Пророчества, где говорится об отказе человечества от денег, Зубов вспомнил, что у них в отделении имеется партия фальшивых банкнот. Их недавно изъяли. Какой-то старичок прямо дома устроил цех. Целая коробка с пятитысячными купюрами. Зубов предложил взять несколько фальшивых банкнот из этой пачки и разорвать на глазах у братьев. Чтобы показать, что деньги больше ничего не значат. Зубов рассчитывал, что потом можно будет склеить порванные бумажки и убрать обратно в пачку. Но Рубен вместо того, чтобы порвать фальшивую купюру, попросил огня и сделал из нее игрушечный факел для того, чтобы освещать дорогу. Пока мы дошли до кладовой, он сжег три или четыре бумажки.

За окном послышался сигнал автомобиля.

— Рубен, — сказал Моррис, выглянув в окно.

Степка метнулся к выходу.

— Куда?! — строго сказал дежурный Иванов и погрозил Степке пальцем.

— Так они же... вот приехали.

— Терпение, молодой человек, — отвечал дежурный Иванов.

Дверь широко распахнулась, Рубен медленно прошел мимо дежурного Иванова и уселся в коридоре на скамейку.

— А где Зубов? Где Яблоков? — задал Степка вопрос, который мучил всех.

— Они остались.

— Как?! И Зубов? — Степка и на этот раз всех опередил с вопросом.

— Да, и Зубов. Он диссертацию решил писать о сектах с точки зрения уголовного законодательства. Давно, говорит, хочу вклад в науку внести, а тут такой материал под ногами лежит. Ну, и другие дела у него появились. Вот, кстати, это вам, старшина Иванов, — Рубен достал откуда-то клочок бумажки и положил на стол дежурному. — Думаю, за Зубова переживать не следует. Он знает, что делает.

Иванов тем временем развернул листок и сразу узнал почерк капитана Зубова. Вот что было в записке:

Сов. секретно

Прошу довести до сведения вышестоящего начальства, что я, капитан полиции Зубов Егор Валентинович, с целью предотвращения негативного воздействия деструктивных культов на общество, а также с целью освобождения попавшего в психологическую зависимость от сектантов майора Яблокова Велимира Петровича, внедрился в секту морганистов в качестве адепта. Прошу вплоть до моего возвращения считать меня при исполнении служебных обязанностей.

Иванов еще раз перечитал записку.

— Граждане интеллигенты, а кто такой адепт? — обратился Иванов сразу ко всем присутствовавшим, включая Степку.

— Это сторонник, последователь, — сказал Морган Иванович.

— Что же у нас будет теперь? — пробормотал Иванов. — Нас трое всего осталось: я, Зайцев и Мальцев.

— Ничего страшного, — хлопнул по плечу сержанта Рубен. — Ничего, что трое. Зато какие орлы эти Зайцев с Мальцевым. Мимо них муха не пролетит. Комар без их ведома носа не подточит. Это ведь они нас в поезде сцапали?

— Они, — подтвердил старшина Иванов.

— А как Велимир... Яблоков? Вы его видели? — спросил Морган Иванович.

— Конечно, — ответил Рубен. — То ли на радостях, то ли по злему умыслу, но его кто-то освободил. А этот парень не привык сидеть сложа руки. Быстро взял ситуацию под контроль. Жители Обители Добра после отезда Моргана Ивановича по селу разбрелись. Стали с народом брататься. Когда их стали собирать, как рассыпавшийся горох, не все пожелали вернуться. Думаю, меньше половины осталась. Снова затворились за воротами. Только теперь вместо Великого Учителя у них майор Яблоков. Так что вас, гражданин Кукушкин, там уже не очень ждут.

— Во дают! — воскликнул Моррис. — Быстро нашли замену тебе, Гутен Морген. Расстроился небось?

— Если так решили братья, я обязан подчиниться, — тихо отвечал Морган Иванович. — Но я все равно должен быть сейчас там.

— Ага, сейчас, — сказал Моррис и даже встал со своего места. — Только попробуй.

— Не ссорьтесь, друзья, — сказал Рубен. — Не думаю, что сейчас самый лучший момент для возвращения Моргана Ивановича. Рубен этого Яблокова уже успел раскусить. Он не сильно обрадуется возвращению Великого Учителя. Он сам теперь Великий Учитель.

— Но кроме брата Велимира у нас есть другие братья! — возразил Морган Иванович.

— Те, кто решил вернуться в Обитель, довольны тем, что у них есть. А те, кто не вернулся в Обитель, не вернется туда никогда.

Все замолчали.

— Рубен, можно тебя на минуточку? — сказал Степка.

— Конечно, можно, — весело отозвался Рубен. — Теперь хоть на целую вечность Рубена можно.

— У меня к тебе очень серьезный вопрос, — сказал Степка. — Обещай, что ответишь.

— Ну... постараюсь.

— Так ты с самого начала знал, что все так выйдет? Ну, в смысле, что все будет хорошо?

— Ну, — неуверенно сказал Рубен и оскалился, — скажем так, Рубен о многом догадывался.

— Интуиция?

— Она самая.

— А почему ты тогда мне сразу все не сказал? — возмущенно спросил Степка.

— Ну, во-первых, — начал неторопливо Рубен, — тебе тогда было бы неинтересно.

— А во-вторых?

— А во-вторых... Рубен еще не придумал, — сказал Рубен и захохотал так, что во всем отделении зазвенели стекла.

Финальная

Вечером на котловском вокзале всегда полно народу. Сразу несколько поездов прибывают в город с востока и запада, а может быть, даже с севера и юга. Другие поезда, напротив, готовятся покинуть город и терпеливо стоят, вбирая в себя разногабаритных пассажиров с чемоданами, рюкзаками, корзинами и прочими средствами для переноса вещей, необходимых в путешествии.

У серого вагона с тремя мудреными буквами на боку стояли четверо. Один был среднего роста мужчина с почти седыми волосами в сером плаще. Другой — высокий, неопределенного возраста брюнет с маленькими черными усиками, похожий на старомодного конферансье. Третий мужчина был облачен в коричневый плащ. На его большой лысой голове сидела тирольская шляпа, но без пера. И, наконец, четвертым в этой компании был мальчик тринадцати лет, которому на вид можно было дать четырнадцать или даже пятнадцать.

— Может, Рубен, ты все-таки поедешь с нами? — говорил мальчик, обращаясь к брюнету, похожему на конферансье. — Тебя любая проводница без билета пустит.

Рубен потупил глаза.

— Пока Рубену нельзя уезжать. С водопроводом и дорогой дело надо решить. Рубен слово дал.

— Ты думаешь, у тебя получится?

— А как же гипноз? — сказал Рубен и оскалил зубы.

— Уважаемые пассажиры, поезд отправляется через пять минут, просьба занять свои места в вагоне, — сообщил проводник.

Все четверо, наступая друг другу на ноги, стали обниматься. Степкина щека зачесалась от прикосновения к шерсти Рубена.

Когда поезд тяжело вздохнул и тронулся, отлепившись от перрона, Степка, прикипший к окну, еще несколько мгновений видел грустные лица Рубена и Морриса. Затем их сменила дорога, по которой одиноко двигался пустой красный автобус, а затем на том берегу реки показался Кремль. «Не такой уж он и большой», — подумал Степка. Днем они с папой побывали там. Больше всего Степке понравилась наклоненная, похожая на перевернутый вверх дном вафельный рожок от мороженого башня из темно-красного кирпича. Жаль только, наверх нельзя было подняться. Сейчас из поезда была видна только макушка башни.

Весь день Степка не отпускал папину ладонь. Маме он решил ничего не сообщать. Доложил, как обычно, бодро и коротко про здоровье и цветы. Степка с Морганом Ивановичем собрались сразу с поезда направиться в больницу. «Вот она обрадуется», — думал Степка, представляя мамино лицо, когда она увидит их с папой...

— Ну, что, начнем, — сказал Степкин папа и достал из сумки деревянную коробку в форме прямоугольника с коричневыми и белыми клетками. Затем извлек из коробки две пешки — одну белую, другую черную — и, зажав по одной в каждом кулаке, спрятал руки за спину. Степка замер на пару секунд и ткнул пальцем в правое плечо Моргана Ивановича. Ему выпало играть белыми. Быстро расставив фигуры, Степка с Морганом Ивановичем уселись за игру.

Оставим же теперь мальчика и папу, сосредоточенно склонившихся над шахматной доской. Игра так захватила обоих, что было бы несправедливо беспокоить их. «А кто же выиграл?» — спросит читатель. Увы, ответ на этот вопрос мы дать не можем. Должна же остаться в книге хоть одна неразгаданная тайна...